Сергей Ребров

Стул, на котором пока никто не сидел

Сергей Ребров

Стул, на котором пока никто не сидит

«Автор»
2026

Ребров С.

Стул, на котором пока никто не сидит / С. Ребров — «Автор», 2026

Юнна, владелица бьюти-кафе «Блеск», пришла за стульями. Захар, тихий мастер с руками для дерева, хотел просто выполнить заказ. Но она оставила на верстаке след от помады, а он, впервые за долгое время, вспомнил, что дышит по-другому.Они как лак и рубанок: несовместимые, но вдруг идеальные вместе.А параллельно его дочери осваивают новый город: Настя, с голосом, от которого дрожат рамы, случайно попадает в театр оперетт и влюбляется в хориста, у которого всё не так. Илани, с умом острее ножовки, требует в школе «парты с душой» и устраивает бунт против серых стен и скучных расписаний.Это история о переезде, о любви, которая начинается не с признания, а с вопроса: «Ты правда сделаешь ножки с изгибом, как у каблука?»Юмор, неловкость, первый снег и запах лака смешиваются с древесным теплом.Здесь красота не только в макияже.Она в стуле, сделанном с мыслью. В девочке, которая поёт.И в том, как двое, которые не подходят друг другу по шаблону, вдруг понимают: мы — эксклюзив.

© Ребров С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 36

Сергей Ребров
Стул, на котором пока никто не сидит

Глава 1

«Последняя ночь под старой крышей»

Дождь не льёт, он шепчет. Шуршит по старой, когда-то зелёной, теперь выцветшей до грязно-серого, железной крыше мастерской. Будто о чём-то просит, настойчиво, но тихо, как человек, который боится быть услышанным и всё же не может молчать. Мелкие капли, словно слёзы, проникают в щели между листами, оставляя на цементном полу тёмные, рваные пятна. Они растекаются, как акварельные разводы, напоминая карты забытых земель, по которым никто уже не ходит, но они всё ещё хранят следы прежних дорог.

Воздух в мастерской густой, плотный, будто его можно резать стамеской, пропитанный ароматами, сплетающимися в единый, неповторимый парфюм этого места: терпкий дух свежей сосны, острый, чуть сладковатый запах льняного масла, и едва уловимый, но упрямый аромат давно остывшего чая в тонкой, эмалированной кружке, стоящей на верстаке. Кружка стоит так, словно её поставили всего на минуту, чтобы освободить руки, и вот-вот кто-то вернётся и сделает долгожданный глоток. Но никто не вернётся. Это уже не пауза, а тихое прощание.

Там, где заканчивается тень от старой, покосившейся полки с инструментами, мерцает уголок старого светильника. Его абажур из зелёного стекла отбрасывает на доски неровные, дрожащие пятна света, будто воспоминания — то ярче, то почти стираясь, как будто сам светильник вздыхает, прощаясь с этим местом. Захар всё собирается починить его, заменить перегоревшую лампочку, но, как всегда, откладывает. А «потом» теперь — это уже другой город, другая мастерская, другие заботы.

Столяр стоит на коленях перед разобранным верстаком. Его куртка из грубой холстины, покрытая пятнами масла и опилками, словно расшитая жизнью: тут — след от свежей смолы, там — серая пыль от дуба, а вот это тёмное пятно — от лака, который не взялся, и пришлось переделывать. Каждый след и царапина похожи на строчку в дневнике, который он никогда не вёл, но бережно хранил в своей памяти. Захар не торопится. Каждая перебираемая им доска напоминала письмо, которое невозможно сжечь, но и бросить нельзя. Он ощупывает их медленно, с уважением, будто не дерево чувствует под пальцами, а чью-то судьбу. Проводит кончиками пальцев по кромке, проверяя, нет ли сколов, не повело ли от сырости. И вдруг замирает, касаясь пальцем зарубки на краю стола — детской. Илани сделала её, когда ей было шесть, пытаясь помочь: «Папа, смотри, я тоже могу рубить!» Рубила, конечно, маникюрными щипцами, потому что настоящие инструменты были слишком тяжёлые для маленьких ручек. Мужчина тогда рассмеялся, обнял дочку, сказал, что у неё золотые руки, даже если они держат щипцы. А теперь… теперь просто гладит эту зарубку, будто хочет вернуть тот день хоть на секунду, вдохнуть запах её детского смеха.

— Ну вот, Захарь, — говорит Арсений, вгоняя в ящик последний гвоздь. Шляпка тонет в дереве почти беззвучно: щёлк. И этот тихий звук в опустевшей мастерской громче любого удара молотка, он означает «готово». — Последняя ночёвка. Завтра грузовик, трасса, и новый город, где, по твоим словам, «люди наконец оценят резную ножку без дешёвого ламината». Хотя, честно? Половина не поймёт разницы.

Захар не отвечает. Ему не хотелось ни спорить, ни соглашаться, лишь бы продлить эту минуту: стоять на коленях, касаясь пальцами древесины, которая помнит его ладони и создана им самим.

— А вдруг не оценят? — тихо спрашивает он, не поднимая глаз. Голос звучит непривычно уязвимо, будто он не о мебели говорит, а о чём-то гораздо более личном. — Вдруг опять будет так, как в прошлой мастерской? «Очень красиво… но дорого. А смысл?»

Арсений откладывает молоток, поднимает бровь. В этом простом жесте вся его уверенность, привычка держаться прямо, даже когда земля уходит из-под ног.

— Смысл? — повторяет он, усмехаясь. — Весь смысл в том, Захар, чтобы дать кому-то ощущение безопасности. Человек опустится на этот стул, перестанет испуганно держать спину и впервые за долгое время почувствует себя дома.

— Не все ищут дом.

— Зато все чувствуют, когда сидят на хорошем дереве. Это как прикосновение тёплой ладони. Ты это сделал.

Захар наконец поворачивается. Его глаза усталые, но чистые. В них нет ни злости, ни отчаяния, только тихая тревога человека, который слишком много вкладывает в своё дело, чтобы позволить себе равнодушие.

— А если я не смогу?

— Сможешь.

— А если никто не придёт?

— Тогда ты посадишь на свои стулья сны. Они, кстати, самые благодарные зрители.

Мужчины рассмеялись — редко такое бывает, но всегда от души. Их голоса заполнили тишину мастерской, мягко и плотно, будто ткань, наброшенная на спинку кресла и скрывшая острые углы. Капли, глухо застучавшие с потолка в темноте, потеряли свою печаль. Теперь этот ритм лишь дополнял их настроение, делая его частью комнат и последней ночи.

— Девочки дома, наверное, уже чемоданы пакуют, — Арсений кивает в сторону двери, ведущей в небольшой коридор. — Настя, небось, уже репетирует прощальную арию. А Илани, наверное, пытается уговорить свои игрушки поместиться в одну коробку.

Захар улыбается. Ему представляется эта картина: Настя, вся такая драматичная, с театральным жестом бросает в чемодан ноты, а Илани, сосредоточенная, как маленький генерал, пытается упаковать своего любимого плюшевого льва.

— Настя, конечно, актриса. Но Илани… она такая же, как ты, — задумчиво говорит Захар, снова касаясь зарубки. — Не любит спешки. Всё делает основательно.

— Да уж, — Арсений прислоняется к стене, обнимая себя руками. — А ты, Захарь, как всегда, «на потом». Сколько лет уже слышу про «потом». Надеюсь, в новом городе твое «потом» начнётся быстрее.

— Может быть, — Захар поднимается, отряхивая опилки с колен. — Может быть, в новом городе и я сам буду «потом» не так часто говорить.

Он в последний раз оглядывает мастерскую. Каждая доска, верстак и даже кружащаяся в воздухе пылинка словно говорят ему «прощай». Здесь он не просто трудился, жил, взрослел, творил. И именно в этих стенах когда-то бегали его маленькие дочери.

— Ну что, Арсений, — говорит Захар, и голос его звучит уже увереннее, хотя и с ноткой грусти. — Поможешь мне с последним ящиком? Там самые ценные инструменты. Те, что достались от деда.

— С удовольствием, Захарь. Для тебя хоть на край света. И даже дальше.

Дождь всё так же шептал по крыше, но теперь его шёпот казался не просьбой, а тихим напутствием. Ведь даже в прощании есть своя новая дорога.

Пыль в комнате больше не танцевала в лучах солнца — солнце давно заблудилось где-то за плотным одеялом туч. Она просто оседала на картонных коробках, превращая их из обещания новой жизни в надгробия старой.

Настя сидела на корточках перед распотрошенным чревом старого шкафа. В свои шестнадцать она уже избавилась от подростковой угловатости: фигура у девочки была точеной,

как у молодой актрисы или балерины — плавная линия талии переходила в красивые бедра, а спина держалась с той врожденной осанкой, которая появляется, когда тело привыкает к свету софитов. Кожа казалась почти фарфоровой в полумраке комнаты, создавая резкий контраст с тяжелыми темными волосами, падавшими ей на лицо густой, шелковистой волной. Но главным магнитом всегда были её глаза, огромные, влажные, цвета выдержанного коньяка, опушенные густыми ресницами. Взгляд мог быть по-детски растерянным секунду назад, а в следующее мгновение в нём вспыхивал опасный, взрослый огонь. На ней был мешковатый свитер с чайным пятном над левым локтем, пахнущий домом, который завтра станет чужим адресом. Пальцы ныряли в складки ткани, как в холодную воду.

— Дыши глубже, Настька, — раздалось снизу. Илани копалась под кроватью, откуда тянуло запахом старых лыж и засохшего пластилина. — Ты задерживаешь дыхание уже третий час. Так только привидения делают, а мы пока живые.

Илани было двенадцать, но выглядела она старше своих лет: вытянутая, длинноногая, с грацией молодого оленёнка, которому ещё непривычно управлять собственным телом. Метиска эфиопских кровей, она взяла от матери самую щедрую красоту: кожа глубокого, теплого оттенка горького шоколада с золотистым внутренним свечением, которое невозможно нарисовать. Оно шло изнутри; высокие скулы и пухлые губы. Волосы были заплетены в десятки тугих косичек, уложенных сложным узором по голове, украшенных деревянными бусинами. При каждом движении головы они издавали тихий перестук: синяя качнулась вперед — смелость, красная откатилась назад — гнев, желтая осталась ровно на макушке — свет. Из-под задравшейся штанины полосатого гольфа виднелась изящная щиколотка — ноги у девочки росли быстрее, чем успевали покупаться кроссовки.

Настя фыркнула, но выдохнула облачко пара.

— Я пытаюсь решить экзистенциальный вопрос: брать ли мне эти джинсы? В них я впервые поняла, что у меня есть колени. Это важная часть биографии.

Илани вынырнула, победно сжимая в кулаке одинокую розовую кроссовку. Вторую они потеряли три года назад во время «великой битвы с пельменями» на кухне.

— Бери одну. Вторая пусть остается здесь заложницей. Чтобы этот дом знал: если он будет нам сниться, то всегда хромым, — пошутила Настя.

Илани швырнула кроссовку в пустую коробку из-под телевизора. Та ударилась о дно с глухим звуком лопнувшего шарика. Настя поморщилась. — Не смей так делать. Каждая вещь здесь… она звучит. Слышишь? Вот эта куртка со стразами на спине кричит фальцетом. Помнишь кастинг в ТЮЗ?

— Как тут забудешь, — младшая сестра закатила свои огромные тёмные глаза, похожие на две капли застывшей смолы, бусины в косичках тихо звякнули, — ты стояла в ней, синяя, как утопленник. А режиссёр сказал, что твой голос похож на звук, когда вилкой скребут по тарелке.

Настя вытащила куртку. Стразы осыпались от старости, оставив на черной ткани бледные шрамы клея.

— Он сказал, что я звучу как несмазанная калитка. Но знаешь, что самое обидное? Калитка хотя бы знала, куда ведёт. А я тогда вообще не понимала, зачем открыла рот, — Настя прижала куртку к лицу, втягивая запах пыли и дешевого антистатика, — я оставлю её тебе. Будешь пугать ею грабителей. Или носить на Хэллоуин как костюм «Разбитые надежды».

Илани подошла ближе, села на пол, подогнув свои бесконечно длинные ноги. Из гольфа торчал край салфетки. Она вечно прятала там фантики или записки самой себе.

— Грабители разбегутся от твоего актерского мастерства. А давай лучше сделаем ей похороны? Положим в самую маленькую коробку, перевяжем черными колготками, которые пошли стрелками, и напишем: «Здесь покоится вера Насти в Станиславского». Выкопаем ямку в горшке с дохлым фикусом. У него всё равно нет шансов, его убили ещё при прошлой власти.

Сёстры переглянулись. Уголки губ дрогнули одновременно.

— Шалость принята, — прошептала Настя.

Девочки торжественно, словно гвардейцы у гроба короля, понесли куртку к цветочному горшку. Фикус действительно напоминал гербарий. Вместе выкопали в сухой земле неглубокую могилу, уложили туда свернутый ком одежды, сверху положили две конфетные обертки фольгой вверх — «за заслуги перед искусством», и засыпали землей.

— Земля тебе пухом, талант, — всхлипнула от смеха Илани, — мы будем приходить к тебе каждую годовщину сдачи ЕГЭ.

Когда они вернулись к шкафу, тишина снова навалилась на плечи. Настя достала деревянную шкатулку. Рисунок двух девочек под деревом потускнел, выжженные линии забились грязью.

— Смотри, Лань, — она протянула сестре билет на автобус. Дата поездки в областной театр кукол была перечеркнута крест-накрест красным маркером. — билетов было два. Второй я сожгла в пепельнице. Сказала маме, что ты заболела. На самом деле я просто посмотрела на ту сцену, увидела этих деревянных болванчиков и поняла, что боюсь. До тошноты. Что однажды кто-то дёрнет за ниточку, и моя голова упадет набок.

Илани взяла билет двумя длинными пальцами. Повертела.

— Ты дура, — сказала младшая беззлобно, — болванчики классные. Им можно отрывать головы, и им за это ничего не будет. Свобода. — девочка спрятала билет в карман своего самодельного чемодана, — буду показывать своим новым одноклассникам. Скажу, что это пропуск в Нарнию для тех, кто боится быть деревянной куклой.

Настя опустила руку на дно шкатулки. Под слоями записок наткнулась на стекло. Синяя банка из-под детского чая. Наклейка, сделанная кривыми печатными буквами: *«ДЛЯ СЦЕНЫ 17. НЕ ОТКРЫВАТЬ. ВНУТРИ СТРАШНО»*.

Её пальцы замерли.

— Ты видела, — голос упал до шепота, стал шершавым, как наждачная бумага, — когда я приходила с прослушиваний. Где отказывали.

— Конечно, видела, — Илани пожала плечами так естественно, будто речь шла о том, чистила ли она зубы. От её кожи пахло земляничным мылом и школьным мелом, — ты думала, у тебя лицо устроено как сейф? У тебя же всё наружу течёт, только ты сама этого не видишь, потому что смотришь внутрь. Ты заходила, ставила банку за Достоевского, закрывала дверцу книжного шкафа и начинала громко петь "Оду к радости", чтобы все подумали, что ты железная леди. А потом ночью доставала её, капала туда по одной слезе — кап! кап! — и считала. Думала, накопишь целое море, выпьешь его на сцене и получишь «Оскар».

Настя закрыла лицо руками. Плечи затряслись не от рыданий, а от того стыдного, тихого смеха, который прорывается сквозь боль.

— Господи, какой нелепый ритуал. Мне шестнадцать, а я веду себя как обиженная пятилетка с пузырьками для ванны.

— Лучшие люди именно такие, — Илани подвинулась вплотную, прижимаясь теплым боком. Она сняла с волос желтую бусину — «для света» — и вложила сестре в ладонь, — оставь банку. Не бери её в новую жизнь. Пусть плачет здесь. Этому дому нужнее.

— Нет, — Настя решительно вытерла нос рукавом свитера. — Я заберу. Только переименую. Дай ручку.

Настёна порылась в школьном портфеле, нашла исчерканную вдоль и поперек тетрадь, вырвала лист. Поля были истоптаны синими чернилами, следы мыслей, ходивших босиком. Написала большими буквами: *«БАНКА ПЕРВОЙ СЦЕНЫ. НАЧАЛО»*. Обернула стекло.

— Теперь порядок. Первая сцена не может быть семнадцатой. Это плохая драматургия.

Илани кивнула и вдруг хитро прищурилась. В её глазах-бусинах заплясали чертята.

— Раз уж мы хороним вещи, нужно устроить диверсию. Пойдем, — она схватила сестру за руку и потащила в коридор. Там, прислоненный к стене, стоял рулон оставшихся обоев — блекло-голубых, в скучных ромбах. Илани зубами разорвала кусок скотча, — пока хозяева будут принимать квартиру, они сойдут с ума.

За минуту, хихикая и зажимая рты ладонями, чтобы смех не выдало эхо пустой квартиры, они расклеили обои прямо поверх входной двери изнутри. Закрыли наглухо.

— Всё, — пропыхтела Илани, сползая по косяку. — Они никогда не выйдут. Будут сидеть внутри, смотреть на ромбики и думать, что сошли с ума. Классическая готическая новелла.

— Нас проклянут риелторы, — простонала Настя, размазывая тушь под глазами от смеха. — Отлично. Проклятие от агентов недвижимости — лучшая защита от злых духов ипотеки.

Вернувшись в комнату, девушки увидели брошенные подушки. Старые, плоские, из которых лезло серое перо, как седая щетина.

— Дуэль? — предложила Илани, поднимая с пола плюшевую антилопу с одним ухом. В голове-тайнике антилопы что-то зашуршало. Сухие листья, которые они собирали прошлой осенью.

— Правила меняются, — Настя схватила свою подушку. — Побеждает не тот, кто свалит противника. Побеждает тот, кто заставит другого сказать что-то настоящее.

Первый удар был мягким, пушистым. Перья взметнулись к потолку, закружились майским снегом.

— Я боюсь, что новая школа окажется картонной декорацией! — крикнула Настя, отбиваясь от атаки сестры.

— Признана годной! — Илани сделала выпад. — Мой ответ: я тоже! Поэтому мы принесем туда клей!

Они кружились по комнате, сталкиваясь лбами, хохоча до икоты. Подушки взрывались облаками домашней пыли.

— Я боюсь, что наш папа нас не узнает через год! — вскрикнула Настя, поскользнувшись на собственном сбившемся носке и падая на пол.

Илани рухнула рядом тяжело дыша. Настя перекатилась на живот, уткнулась лицом в пыльный ворс ковра. Рядом валялось перо. Она подняла его, провела по гладкой, теплой щеке Илани.

— Ланька… а если я там замолчу? Совсем? Если страх съест голос?

Илани поймала её руку, переплела их пальцы. Мизинцы сами собой нашли друг друга.

— Тогда я буду говорить за двоих. У меня запасного голоса на целую оперу. А если учитель скажет, что мои веточки в волосах — это мусор…

— …то ты скажешь, что это ключи, — закончила за неё Настя.

— Именно. Ключи от направления. — Илани достала из кармана своих штанов маленький синий маркер. Открыла крышку. — Давай подпишем этот день.

Она задрала рукав Настиного свитера. На тонкой коже предплечья быстро вывела цифры: *21.08. Мы ушли смеясь*.

— Теперь официально, — Илани дунула на чернила. — Акт приема-передачи грусти подписан. Печать поставлена.

Настя смотрела на надпись, потом притянула сестру к себе, обвивая руками так крепко, словно пыталась уместить весь мир двенадцатилетней девочки в объятиях шестнадцатилетней.

— Королева леса, — прошептала она в макушку, пахнущую дождем и карамелью.

— Эхо, — сонно отозвалась Илани, сворачиваясь клубком у неё на коленях.

Смех стих. Остался только гул холодильника на кухне — старый, уставший зверь, охраняющий их последнюю ночь в доме, где стены всё ещё хранили тепло от наклеек, слёз и песен.

Глава 2

«Знакомство и новая школа»

Светлая, небольшая мастерская, двухэтажная, в которую Захар переехал позавчера, уже начинала дышать. Он обживал это пространство с той же бережной медлительностью, с какой резал сложный узор: сначала законопатил щели в стенах паклей, потом сложил из старого кирпича печурку — теперь она дышала сухим жаром, пожирая сосновые обрезки. Тишину нарушало только мерное потрескивание дров да редкий, почти музыкальный звон стамески о верстак.

В свои тридцать восемь Захар наконец-то чувствовал себя дома. Его руки, покрытые сетью тонких белесых шрамов от случайных соскоков инструмента, двигались сами по себе. Мужчина расставлял образцы своих работ на грубых деревянных полках вдоль левой стены. Каждое изделие брал так, словно это было живое существо. Сейчас его товар был мелким, можно сказать личным.

Светильники-фонари. Тяжелые брусья дуба со вставками из ясеня. Резьба внутри была такой мелкой, что казалась кружевом: лучи солнца пробивались сквозь крошечные отверстия, рисуя на столе сложные мандалы.

Мини-полки-ветви. Изогнутые, живые линии орешника, которые словно росли прямо из оштукатуренной стены сарая. На них идеально ложилась одна книга или чашка.

Шкатулки-секреты. Крышки из капа клёна, отполированные до зеркального блеска. Фэнтезийные сюжеты выходили у него лучше всего: птицы, пойманные в момент взлета; розы, чьи шипы были едва ощутимы подушечкой пальца; щель между створками была настолько тонкой, что лезвие ножа входило туда со звуком шелеста бумаги.

Пространство под лестницей, ведущей на второй этаж, пока оставалось почти пустым — только грубые неструганые доски заготовок, аккуратно связанные веревкой, и ящики с инструментами, обмотанные старой мешковиной, чтобы пыль не садилась на острые кромки стамесок и фуганков. Солнце лилось сквозь высокое стрельчатое окно над верстаком, золотило пылинки в воздухе и блестело на наточенных стали лезвий. На втором этаже, куда Захар еще почти не поднимался, ждали своего часа большие бревна кедра, перевезённые ещё месяц назад, мечтая вырезать из них цельную обеденную группу для постоянной выставки. Вся мастерская пахла свежей древесиной, смолой и теплом от печки — чистым, живым запахом, который не сравнится ни с чем на свете. Захар поднял последнюю шкатулку, провел пальцем по гладкой крышке, где из древесины выступали тонкие контуры крыла летучей мыши, и поставил ее на свободное место на полке. Затем отступил на шаг, наклонил голову, оценивая работу — все ладно, все стоит на своих местах. Но рука уже тянулась к следующему предмету: Захар взял светильник, покрутил его в ладонях, проверяя, как играет свет на гранях, и поставил обратно, чуть сдвинув в сторону. Потом снова вытер пот со лба тыльной стороной ладони, оставив на коже светлую полоску древесной пыли, и потянулся за тряпкой, чтобы протереть верстак от опилок.

И в этот момент раздался глухой, негромкий стук в наружную дверь. Захар замер. Рука застыла в воздухе, так и не коснувшись тряпки. Он нахмурился — никого не ждал сегодня, соседей на этой улице почти нет, старый владелец мастерской обещал зайти только на следующей неделе за остатками своих вещей. Мужчина отряхнул опилки с рабочей куртки, шагнул через порог из основной залы к выходу, уже протянул руку к ручке, но старая деревянная дверь медленно скрипнула и приоткрылась сама, выпуская внутрь прохладный воздух с запахом листвы с ближайшего парка.

На пороге стояла девушка, которая выглядела как сбой матрицы. Пышный розовый пуховик отражал сентябрьское солнце так, что глазам становилось больно. Под ним виднелись

брюки из плотной ткани, расшитые пайетками, которые сейчас безнадёжно тускнели под слоем мокрой листвы и тёмными пятнами кофейной гущи. На голове топорщилась шапка с двумя огромными бубонами, из-под которой выбились локоны цвета платины, уложенные так туго, что блестели, как стробоскоп. В руках она держала сумку размером с туристический рюкзак, из которой торчал угол картонной коробки с красной надписью маркером: «НЕ РОНЯТЬ! ЛАК!»

— Привет-привет! — затараторила девушка, и голос ворвался в мастерскую, как весенний ручей в зимний лес. От неё пахло озоном, сладкими духами и тающим снегом — хотя на дворе стоял сентябрь, и снегу тут взяться было неоткуда. — У вас новая мастерская? Не видела в городе раньше!

Захар поднял голову. На его лице застыло выражение человека, которого выдернули из глубокого сна — хотя он не спал, он просто был в своём мире, в мире дерева и точных линий.

— Да, — сказал он осторожно, как будто проверял, не ослышался ли. — Открылся только вчера. Переехал из …

— О! — Юнна просияла, как будто он сообщил ей о выигрыше в лотерею. — А я Юнна! Открываю своё бьютти-кафе! Представляешь? Первое в городе! Ну, не первое, второе, но первое — с таким подходом!

Юнна засмеялась звонко, заразительно, и от этого смеха, казалось, даже стружка на полу вздрогнула.

— Я так волновалась, что не найду нормального мастера! А у тебя мастерская такая... такая настоящая!

Юнна прошлась по первому этажу, цокая каблуками по бетону, как по подиуму, разглядывая всё с неподдельным восхищением. Провела пальцем по верстаку, понюхала стружку, потрогала заготовку.

— Ох... — выдохнула она, прижимая ладони к груди. — Так гладко. Это покровительственное прикосновение древесины. Обалденно. Текстура просто кричит о своей ценности.

Захар моргнул.

— Спасибо... наверное.

— Слушай, — Юнна развернулась к нему, глаза её горели. — Я тебе сейчас всё расскажу. Ты только послушай. Я год копила, год! Работала на двух работах: днём в салоне, ночью в доставке. Все говорили: «Юнна, ты с ума сошла, кому нужен твой бьюти-кафе с философией?» А я им: «Всем нужен! Просто они ещё не знают!» — девушка замахала руками, и блёстки с визитки, которую тут же успела вытащить, взлетели в воздух, как миниатюрный конфетти.

— Понимаешь, я не хочу просто стричь и красить. Я хочу, чтобы женщина заходила ко мне и чувствовала: вот здесь меня понимают. Вот здесь я могу быть собой. Без масок. Без «ой, а не слишком ли ярко». Понимаешь?

Захар молчал. Он смотрел на неё, на эту розовую, сверкающую, шумную девушку, которая заполнила собой всю мастерскую, как будто ей было тесно в собственном теле.

— И вот я подумала, — продолжала Юнна, — что мебель — это тоже часть атмосферы. Клиентка садится в кресло, и она должна почувствовать, что её здесь ждали. Что этот стул, он для неё. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Захар медленно. И, к своему удивлению, понял, что действительно понимает. — Ты хочешь, чтобы мебель говорила с людьми.

— Да! — Юнна чуть не подпрыгнула. — Именно! Ты первый, кто понял меня с полуслова! — затем подошла ближе, взяла его за руку, Захар вздрогнул от неожиданности, и посмотрела ему в глаза, — я знала, что найду своего мастера. Знала!

Захар осторожно высвободил руку.

— Я... я делаю стулья. Но они пока все на заказ. Нужно обсудить эскиз, нагрузку...

— Нагрузку? — Юнна удивлённо подняла бровь. — А, ну да, наверное, важно, чтобы не развалились. Но главное — настроение! — при этом Юнна всплеснула руками. — Слушай, я

тебе сейчас всё объясню. Мне нужно три вида ножек. Три! Каждый — отдельная эмоциональная драма!

Захар потёр переносицу.

— Ножек?

— Ну да! Ножки стула! Как ноги! — Юнна сделала шаг назад и приняла позу, как будто демонстрировала платье. — Кто-то любит тонкие, изящные, как у балерины... кто-то — крепкие, устойчивые, как у спортсменки... а кто-то — изогнутые, трагические, как твоя судьба после тридцати пяти лет! — Она хитро подмигнула.

Захар открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— У меня... есть просто ножки. Резные. Прочные. Дуб, бук. Без... настроения. Геометрия.

— Без настроения?! — Юнна театрально ахнула и отшатнулась, прижимая ладони к груди. — Это эмоциональный коллапс! Стул — это не мебель, это инструмент выражения! Представь картину: приходит девушка, у неё токсичный бывший заблокировал карту, собака сгрызла новую обувь, а она садится на скучный геометрический цилиндр? Это же усугубляет экзистенциальный кризис! А если на ножку с мягким, обволакивающим изгибом? Это лаковая терапия. Мгновенный дзен!

Юнна подбежала к верстаку, схватила образец строгой цилиндрической ножки и прижала её к своему боку, как микрофон.

— Вот это — «я просто живу, плачу ипотеку и смотрю сериалы». Скучно! — она брезгливо бросила деталь обратно в ящик. — А вот это... — теперь ухватила другую заготовку, покрытую глубокой резьбой в виде лозы, — ...уже «я понимаю, что такое боль и красота одновременно. Мой внутренний мир глубок, как эта фреза».

Для третьего примера розовая фея метнулась к углу, где стояли арочные шаблоны, и вытащила одну ногу-заготовку, сложную, витую, похожую скорее на арт-объект из галереи современного искусства.

— А это! — провозгласила Юнна, принимая позу античной статуи. — «Я пришла, села, покорила пространство и съела твой бизнес-ланч взглядом». Понимаешь динамику?

Захар смотрел на неё. Потом на витую заготовку. Потом снова на неё.

— Это... — начал он, — ...это ножка от комода девятнадцатого века. Я её снял на реставрацию. Она не для стула. Она вообще не сядет. Она... она не выдержит вес.

— О! — Юнна посмотрела на деталь с новой, почти нежной симпатией. — То есть она — эстетка. Не хочет нести на себе чужие проблемы. Уважаю, — девушка осторожно, почти благоговейно поставила заготовку на место и погладила её, как котёнка, — тогда сделай мне такую же, но которая умеет держать удар. Как я. Видишь? Я же упала на твой верстак и не сломалась. Символизм!

Воодушевлённая собственным перформансом, она сделала стремительный, широкий шаг назад, чтобы дать Захару прочувствовать величие момента. Её дизайнерский кроссовок поскользнулся на рассыпанных свежих сосновых опилках. Заносило Юнну красиво, кинематографично — правая нога ушла вперёд, рука с визиткой взметнулась вверх. Любой другой человек рухнул бы лицом в стружку, сломав акриловые ногти.

Но эта фея падала с грацией раненого лебедя. Она занесла ногу, отчаянно пытаясь найти точку опоры, заваливаясь всем корпусом назад... и чудом, каким-то акробатическим везением, упала не на бетонный пол, а прямо на широкую доску чертёжного стола. Доска протестующе скрипнула, банки с маслом звякнули, чашка с холодным чаем подпрыгнула, расплескав коричневую лужу на свежий эскиз светильника. Юнна приземлилась на дерево весьма основательно, задрав колени, и теперь сидела посреди инструментов, как королева на троне во время дворцового переворота.

— ...Вот, — сказала она спустя секунду, тяжело дыша. Поправила съехавшую набок шапку с бубонами и улыбнулась самой мудрой из своих улыбок. — Идеально. Вот это —

садиться с достоинством, несмотря на гравитацию и скользкий паркет. Твоя мебель меня выдержала. Значит, всё серьёзно. Качество проверено стресс-тестом.

Захар молчал целую минуту. Он смотрел то на опрокинутую банку с олифой, медленно вытекающую на чертежи, то на девушку, комфортно устроившуюся среди его калиброванных линеек. Потом очень тихо, разделяя слова, как стамеской древесные волокна, произнёс:

— Ты только что упала... на чертёжный стол. Разлила чай на берёзовый шпон. И оставила жирный след от помады. Прямо на разметке радиуса скругления.

Юнна посмотрела вниз, на красное пятно на дереве. Затем перевела взгляд на своё лицо в отражении полированного металла струбцины. Снисходительно качнула головой, отчего бубоны на шапке закачались вразнобой.

— Ну а что? Теперь у этого стола... душа появилась, — заявила она абсолютно серьёзно, — любой мастер скажет: вещь без истории, как макияж без румян. Плоско. Безвкусно. Ей нужна травма, чтобы стать живой.

Захар смотрел на Юнну. Потом на испорченный чертёж. Потом снова на неё. В голове у него что-то щёлкнуло, как будто в механизме, который давно не смазывали, вдруг провернулась шестерёнка.

— Ты хоть понимаешь, — начал он, и голос его дрогнул, — что ради этого заказа я три дня не спал? Что этот светильник — для кофейни, где у меня жена лучшего друга работает баристой? Что я обещал сдать его вчера?

Юнна моргнула. Впервые за всё время её самоуверенность дрогнула, совсем чуть-чуть, как рябь на воде. Она медленно слезла со стола, отряхнула брюки и вдруг, неожиданно для самой себя, сказала тихо:

— А ты... давно рисуешь светильники?

— Десять лет, — буркнул Захар. — И стулья. И столы. И всё, что из дерева.

— А давно ты... — она запнулась, подбирая слово, — ...улыбаешься?

Захар замер. Вопрос застал его врасплох, как удар в солнечное сплетение. Он не знал, что ответить. Потому что правда была в том, что он не помнил, когда в последний раз улыбался по-настоящему Не вежливо, не натянуто, а так, чтобы внутри что-то оттаяло.

Юнна, кажется, всё поняла по его лицу. Она мягко, почти без своего обычного напора, добавила:

— Слушай. Я понимаю, что ворвалась к тебе как ураган. Что испортила чертёж. Что говорю на каком-то своём языке, который, наверное, звучит как бред. Но я правда хочу сделать что-то хорошее. Не просто кафе. А место, куда женщины будут приходить не потому, что надо, а потому, что хочется, — она вздохнула, — и я правда верю, что мебель в этом кафе должна быть особенной. Не такой, как у всех. С характером. С душой.

Девушка порылась в кармане, достала маленький тюбик блеска для губ ядовито-малинового цвета и протянула Захару.

— Вот. Наноси капельку на дерево перед финишной лакировкой. Для глянца. Ну, метафорически.

Захар взял тюбик. Покрутил в руках. Посмотрел на неё долгим взглядом, уже не раздражённым, а скорее изучающим, как будто видел перед собой не клиентку, а новую породу дерева, с которой ещё не работал.

— Ты серьёзно думаешь, что я буду лакировать стулья блеском для губ?

— Нет, — улыбнулась Юнна, уже у двери. — Но ты подумаешь об этом.

Знакомство Захара и Юнны случилось, но он переехал не один, Проживём это утро ещё раз. Теперь с Настей и Илани.

Солнце бьёт сквозь пыльные окна спортзала. Свет ложится на вытертый линолеум длинными, косыми полосами, густыми от взвешенной пыли. Кажется, само светило не спало три

ночи, оно дрожит, моргает и отчаянно пытается пробиться сквозь табачную желтизну старых ламп.

В коридоре перед кабинетом завуча стоит плотное, гудящее волнение. Сентябрь выселил из школы летнюю сонливость. Новые лица, которые старшеклассники сканируют как потенциальную угрозу или новый источник сплетен. В воздухе уже носится шелест новых кличек, которые пока ещё формируются, примеряются, перекатываются на языке: «Очки», «Плащ», «Синий рюкзак».

Настя стояла у входа, сжимая лямку рюкзака так, что побелели костяшки. Два дня назад она ещё просыпалась под петушиный крик соседского деда и запах свежей стружки из отцовской мастерской, пристроенной к дому. Два дня назад её школа была такой маленькой, что все знали всех. И знали слишком хорошо, чтобы обращать внимание на новеньких, потому что новеньких там просто не бывало.

А теперь этот коридор. Гулкий, чужой, пахнущий хлоркой, жвачкой и чужими жизнями.

Девушка шагнула внутрь.

И ничего не произошло. Вот что было самым странным. Она ожидала… чего? Что все обернутся? Что засвистят? Что кто-то подойдёт и спросит, кто она такая? Ничего этого не случилось. Коридор жил своей жизнью. Шумной, кипящей, равнодушной к её появлению. Кто-то хохотал у окна, кто-то грыз яблоко на бегу, кто-то переписывал домашку у соседа за минуту до звонка. Настя была для них просто ещё одной тенью, ещё одним силуэтом, который мелькнул и растворился.

И это было почти хуже, чем если бы все уставились на неё.

Девушка пошла вдоль стены, стараясь держаться ближе к доске объявлений, к стендам, к каким-то понятным ориентирам: расписание, план эвакуации, «Гордость школы» с выцветшими фотографиями. Пальцы машинально скользнули по краю рюкзака, туда, где под тканью лежал отцовский подарок — маленький значок-меч, который он выточил сам из обрезка дуба и покрасил металлической краской. «Чтобы ты знала, что у тебя есть оружие», — сказал Захар, вручая его вчера вечером, и Настя тогда не поняла, шутит он или нет.

Теперь, идя по этому бесконечному коридору, она поняла. Отец не шутил.

— О, новая? — раздалось сбоку.

Настя замедлила шаг. У подоконника стояла пара девчонок, одна с короткой стрижкой и серёжками-кольцами, другая с длинными русыми волосами, замотанными в небрежный пучок. Они разглядывали Настю без враждебности, скорее с любопытством, как разглядывают незнакомый экспонат в музее.

— Я Катя, — сказала та, что с кольцами. — А ты в каком?

— Девятый, — ответила Настя. Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

— О, мы тоже! — оживилась вторая, поправляя пучок. — А ты откуда? Из какой школы?

— Из... — Настя запнулась. Как объяснить, что её школа была такой маленькой, что там не было даже нормального спортзала, и уроки физкультуры проводили в коридоре, если не было дождя? — Из маленького посёлка. За городом.

— А-а, — протянула Катя, и в этом «а-а» Настя уловила что-то не пренебрежение, скорее непонимание, как будто она сказала, что приехала с другой планеты, — ну, ничего. Привыкнешь. Тут нормально, если не лезть к старшакам.

— И если не попадаться на глаза завучу, — добавила вторая и хихикнула.

Настя кивнула. Стояла, не зная, что сказать дальше. В её старой школе разговор бы уже сам собой перетёк во что-то привычное: про домашку, про учителей, про то, кто с кем дружит. Здесь всё было иначе. Здесь правила игры устанавливались не сразу, и она пока не знала, как в них играть.

— Ладно, — сказала Катя, отлипая от подоконника, — увидимся на перемене. Если что, мы в 9 «Б».

Девушки ушли, оставив Настю одну посреди гула. Она проводила взглядом и вдруг почувствовала, как напряжение в плечах чуть отпустило. Не сильно. Но чуть.

Настя продолжила путь к расписанию. Прошла мимо группы парней, которые жевали жвачку и обсуждали что-то своё, они даже не подняли головы. Прошла мимо сутулой отличницы с очками, которая что-то быстро записывала в блокнот. Прошла мимо стенда «Гордость школы», где висели фотографии спортсменов и отличников — чужие лица, чужие имена, чужая жизнь, в которую ей ещё предстояло вписаться.

У расписания она остановилась, вглядываясь в мелкие буквы. Девятый «Б» — кабинет 214, химия, первым уроком. Она вздохнула и развернулась, чтобы найти кабинет.

И в этот момент школьный звонок зашёлся хриплым кашлем, возвещая конец перемены. Коридор вздрогнул, пришёл в движение, захлопал дверями. Настю подхватило потоком, понесло в сторону лестницы, и она, как щепка в реке, поплыла по течению, стараясь не потерять равновесие.

Девушка почти уже дошла до лестницы, когда сзади, со стороны двора, раздался грохот.

Тяжёлая металлическая дверь шарахнула о бетонную стену так, что дребезжало стекло в стенде «Гордость школы». И влетела Илани.

Высокая для своих двенадцати лет. Легкая. Грациозная — как будто ступает не по скрипучему полу с разводами от хлорки, а по густому крем-брюле. Кожа цвета тёплого шоколада с лёгким мерцанием, словно под ней горит крошечная свеча из янтаря. Глаза как два заката, застывших в прозрачных капсулах: глубокие, медовые, смотрящие сразу сквозь собеседника. А губы? Пухлые, яркие, они буквально сёрфят по воздуху перед каждым словом, будто каждый вдох — это тест на публичное выступление перед Советом Безопасности ООН.

На голове сотни тонких косичек, переплетённых в сложный солнечный узор, напоминающий карту звёздного неба над экватором. На каждой косе — бусина. Деревянная, идеально гладкая, с ручной точечной гравировкой. При каждом шаге Илани слышится лёгкий перестук, сухой и ритмичный, как будто она идёт по стеклянному дворцу невидимого короля.

Девочка проходит мимо кабинета химии, краем глаза фиксируя движение за матовым стеклом двери старшей школы. Там, среди тяжелых девятых классов, только что скрылась Настя. Старшая сестра вошла в кабинет тихо, сбросив напряжение плечом, но даже через стену Илани почувствовала её собранность.

Илани поправляет лямку рюкзака, на котором вышита стилизованная роза ветров, и сворачивает к лестнице.

— Ого… — шелестит чей-то шепот ей вслед. — Это она, про которую говорили, что на международной олимпиаде по географии была?

— Ага, — отвечает второй голос, принадлежащий пареньку из параллели. — В Брюсселе. С пятью языками и картой мира вместо обоев на телефоне. Говорят, отец её вообще столяр, мебель какую-то резную делает…

Урок географии. Кабинет на третьем этаже пропах мелом и старым картоном. Девочки сидят одной группой, инстинктивно сбившись в стаю. Стены увешаны физическими картами полушарий, атласами СССР и глянцевыми фотографиями саванн, кишащих жирафами, и коралловых рифов Большого Барьерного. На интерактивной доске мерцает жирный заголовок презентации: «Культурные традиции Африки: нательная живопись, ткачество, косички как символы идентичности».

Учительница, Лилия Сергеевна, женщина с вечно уставшими, но добрыми глазами прокашливается:

— Так, смотрим на центральный слайд. Кто может объяснить, что означают сложные причёски, в частности косички, у этнических групп Эфиопии и Западной Африки? Не просто эстетика, а социальный маркер.

Тишина звенит, как перетянутая струна. Девочка с мышиным хвостиком на затылке робко тянет руку, едва отрывая локоть от парты:

— Ну… это… наверное, чтобы волосы красиво лежали? Для красоты?

— Не только, — мягко качает головой Лилия Сергеевна. — Это — историческая память, высеченная в волосах. Символ статуса, способ передачи знаний через поколения, когда письменности еще не было. Такие косы могли обозначать возраст девушки, родовую принадлежность отца, количество скота в семье или даже уровень образования. В Великом порту Бенин, например, женщина с определенным узором кос была живой библиотекой — хранительницей устных сказаний племени…

— О, ну типа шаманка? — перебивает Дарья Сахарова, та самая королева класса, которая всегда шутит слишком громко. Она картинно прикладывает ладонь ко лбу. — Как в Индиане Джонсе, только без хлыста и шляпы? Вызывает духов предков, чтобы те подсказали домашнее задание?

Смех. Сначала неловкий, потом чуть более уверенный. Несколько парней с задних парт откровенно фыркают в кулаки. Кто-то краснеет, уткнувшись в тетрадь.

Илани сидит неподвижно. Её пальцы спокойно лежат на обложке учебника. Она поднимает руку. Не торопясь. Ровно на ту высоту, на которую положено поднимать руку ученику. Как будто уже знает, что скажет. И абсолютно точно знает, какой звук будет стоять в кабинете после последней точки.

— Я могу ответить?

— Конечно, Илани, — Лилия Сергеевна облегчённо выдыхает.

Илани встаёт. Вернее, появляется. Пространство между рядами парт вдруг становится плотным, вязким. Все замирают. Даже отличница-отличница перестает грызть колпачок ручки.

— Я родилась в маленьком городе, — начинает она своим глубоким голосом, который звучит гораздо старше её двенадцати лет. — Где лес начинался сразу за гаражами. Но вот что вы не знаете. Я полукровка. Мой папа русский, он столяр, мы с ним и сестрой переехали в ваш город всего два дня назад. Моя мама эфиопка. Её семья из региона Тиграй. Там косички плетут так, чтобы каждая прядь была именем. Каждая коса — предок. Каждая деревянная бусина — урок. Это не просто украшение головы. Это живая память, которую носят на себе.

Она проводит рукой по шее, касаясь синих бусин впереди:

— Синяя бусина — за смелость. Потому что я здесь. Среди вас. В новой школе. И я не прячусь за спину сестры.

Её рука скользит ниже, к красным каплям дерева на затылке:

— Красная — за гнев. Потому что да, мне обидно. Обидно, когда мою культуру, историю моей матери превращают в мем ради дешевой шутки. Наконец, Илани касается желтой вершины своей сложной прически:

— Жёлтая — за свет. Тот самый, которым сегодня сияло утро. За свет, который я не гашу. Ни при каких обстоятельствах.

В классе стало так тихо, что стал слышен гул старых труб отопления. Только дерево бусин тихонько щелкнуло о воротник её блузки.

— И да. Я говорю на амхарском. На французском. На английском. Я знаю, что такое термоклины в океане, и могу рассказать вам, почему озеро Виктория — это тектонический разлом, а не просто большая лужа, как написано в вашем скучном параграфе. И нет, я не «типа шаманка». Я ученица. С обычной зеленой тетрадкой, с серёжками в форме глобуса и с мечтой стать картографом-исследователем, чтобы нанести на карты все белые пятна этого мира.

Она делает паузу, обводя взглядом лица одноклассников. Никто не смеется.

— Но знаете, что по-настоящему странно? Что вы, сидя здесь, на уроке *географии*, можете над чем-то посмеяться, не зная, откуда это взялось. Как будто знания существуют только в этом тонком учебнике, прошитом гнилыми нитками, а не в людях, которые стоят

рядом с вами. Как будто если кто-то выглядит не так, как Катя с третьей парты, то он обязательно сбежал из документалки National Geographic про дикие племена.

Дарья Сахарова медленно вжимается в стул, пытаясь стать плоской.

— Вы смеётесь над моими косами? — голос Илани становится тише, но острее. — А попробуйте посмеяться над народом Масаи в Кении, когда они семьсот лет хранят свою историю исключительно устно, передавая её от старейшины к мальчику-воину. Посмейтесь над сенегальскими матронами, у которых узор на голове может рассказать, сколько детей она родила, скольких мужей пережила и сколько тысяч историй держит в голове, потому что книг у них никогда не было.

Но нет. Вы смеётесь над девочкой в своей же школе. Просто потому, что вам лень думать. Проще обозвать странным — чем попытаться понять.

Илани поворачивается к Дарьи. Та смотрит в парту, покрываясь пятнами.

— Кстати, о мемах. Ты сказала «типа шаманка». А вот слушай реальный мем из вашей реальности. Выдумаете, что «афроамериканцы — это те, кто приехал из Африки на велосипедах, поэтому у них ноги сильные». Смешно? Ты бы лайкнула? Ты даже не знала, что Америка — это континент из двух материков, а афроамериканцы — это не про бег в джунглях голышом. Это про корабли работорговцев, про боль, про вырванные с корнем семьи, про историческую травму длиной в четыреста лет и борьбу за право называться человеком.

Ты смеёшься над чужим, не понимая ничего. А потом удивляешься, почему люди смотрят на тебя волком и не хотят открываться на перемене.

Пауза. Длинная. Вязкая. Давящая на барабанные перепонки. В этой тишине единственным звуком остается мерный, спокойный перестук деревянных бусин. Илани незаметно качнулась с пятки на носок.

Лилия Сергеевна стоит у доски, прижимая к груди кусок мела. Она медленно моргает, снимает очки и протирает их полой кардигана. Потом надевает обратно и тихо говорит:

— Спасибо, Илани. Честно. Это была лучшая защита темы «культурная идентичность» за всю мою тридцатилетнюю карьеру. Садись, пять. Нет, шесть. Я впишу тебе дополнительный балл.

Илани садится. Спокойно. Без тени триумфа на лице. Будто просто выполнила утреннюю рутину. Достаёт из рюкзака пластиковый контейнер. Внутри — идеальный сырник, политый густым вишневым повидлом. Он ещё тёплый.

— Кто хочет? — спрашивает она ровным голосом, ни к кому конкретно не обращаясь. — С любовью. Из папиной мастерской. Без стереотипов.

Никто не берет. Воздух вокруг её парты словно остекленел.

Но спустя минуту, когда прозвенел спасительный звонок и класс начал загудеть, собирая вещи, одна девочка подходит к её парте. Та самая, с мышиным хвостиком, которая первой предположила, что косы нужны для красоты. Она останавливается, комкая ремешок сумки, бледная, и шепчет, глядя куда-то в сторону окна:

— Прости, пожалуйста. Я… честно, совсем не думала. Никогда. Мне очень стыдно. Можно… можно я расскажу маме про твои бусы? У неё день рождения скоро, она любит такие штуки.

Илани улыбается. Впервые за весь урок по-настоящему тепло. Она закрывает крышку контейнера с сырником.

— Расскажи. Только напомни ей, что смысл имеет значение. Иначе это будут просто деревяшки.

Глава 3

«Поездка в Хорватию?»

Новая мастерская встретила девочек запахом свежей стружки, олифы и ещё чем-то тёплым, древесным, что невозможно описать словами — это был запах отцовского мира, мира, где всё было понятно и надёжно.

Настя вошла первой, скинула рюкзак у порога и устало опустилась на табуретку возле верстака. Табуретка жалобно скрипнула, и Настя машинально проверила, не развалилась ли она. В новой жизни всё было ненадёжным, даже мебель. Илани влетела следом, как маленький ураган в школьной форме, и сразу принялась крутиться по мастерской, трогая всё подряд: заготовки, инструменты, образцы пород дерева.

— Пап, ну тут круто! — выдохнула младшая дочка, проводя пальцем по гладкой поверхности дубовой доски. — Пахнет как... как будто лес внутрь дома затащили. Только теплее!

Девочка крутанулась на месте и зацепила бедром угол верстака. Сверху тут же полетела стопка наждачной бумаги, рассыпавшись по полу веером.

— Ой! — Илани присела, чтобы собрать. — Прости-прости-прости!

— Оставь, — махнул рукой Захар. — Я всё равно собирался перебирать.

Настя смотрела на сестру с выражением лица, которое можно было описать как «я люблю тебя, но ты катастрофа». Она аккуратно, двумя пальцами, подняла с пола один лист наждачки и положила обратно на верстак. Ровно. Без единого лишнего движения.

Захар поднял голову от чертежа. Мужчина стоял у дальнего верстака, в промасленном фартуке, с карандашом за ухом. Вид был такой, будто он не выходил из мастерской с самого утра — взлохмаченный, с тёмными кругами под глазами, но с лёгкой улыбкой, которая появлялась только когда рядом были девочки.

— Ну как первый день? — спросил отец, откладывая карандаш и скрещивая руки на груди. — Выжили?

— Ага, — кивнула Настя, стараясь говорить ровно. — Нормально всё. Класс обычный, ребята... нормальные. Учителя строгие, но не злые.

Она не стала рассказывать, как её чуть не сбила с ног группа семиклассников на лестнице, как полчаса искала кабинет литературы, потому что табличку «каб. 12» кто-то заклеил плакатом с расписанием кружка бисероплетения, и как впервые в жизни увидела, что школьный звонок может быть таким оглушительным, что аж заложило уши. Всё это было неважно. Важно было то, что она выдержала. А выдержка — это то, что Настя ценила больше всего.

— А у тебя? — Захар перевёл взгляд на младшую.

Илани замерла на секунду, прижимая к груди какой-то деревянный брусок, похожий на заготовку для ножки стула. Ланька переглянулась с Настей — коротко, почти незаметно. Сёстры понимали друг друга без слов.

— Всё отлично! — бодро отрапортовала Илани. — Меня уже заметили. Я теперь звезда класса!

— Звезда? — Захар приподнял бровь. — В первый же день?

— Ага! — Илани кивнула с такой уверенностью, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся. — Учительница сказала, что у меня «яркая индивидуальность». Или что-то в этом роде. Я точно не расслышала, потому что в этот момент Дарья Сахарова уронила учебник.

— Дарья Сахарова? — переспросил Захар.

— Королева класса, — пояснила Илани таким тоном, будто говорила о погоде. — Ну, она из тех, которые всегда шутят слишком громко и думают, что это смешно. Но ничего, я её быстро поставила на место.

Настя, сидящая на табуретке, закатила глаза к потолку. Она знала, что значит «поставила на место» в исполнении Илани. Это означало, что в классе, вероятно, теперь будет мёртвая тишина, а у Дарьи Сахаровой будет тик на правом глазу.

Захар, кажется, начал подозревать что-то неладное, но расспрашивать не стал. Мужчина знал: если девочки не хотят рассказывать, значит, у них есть на то причины. Он им доверял.

— Ладно, — сказал столяр, возвращаясь к чертежу. — Тогда помогите мне тут разобраться. У меня заказ появился. Странный такой.

— Странный? — оживилась Илани, подскакивая ближе. Она подбежала к верстаку и, не рассчитав скорость, впилась плечом в стойку с инструментами. Рубанки, стамески и какой-то непонятный металлический предмет с грохотом посыпались на пол.

— Ай! — Илани присела, зажимая плечо. — Прости, пап! Я не хотела!

— Всё в порядке, — вздохнул Захар, начиная собирать инструменты. — Ты, главное, не ранилась.

Настя не подвинулась с места. Она только вежливо протянула руку и, даже не глядя, поймала на лету падающий молоток, который Илани задела локтем.

— Держи, — сказала она, подавая инструмент отцу с таким видом, будто это чашка чая.

— Спасибо, — кивнул Захар, принимая молоток. Он посмотрел на Настю с лёгким удивлением, девушка всегда умела делать такие вещи. Поймать что-то на лету, не глядя. Заметить то, что другие пропускали. Это был её дар. Тихий, но точный.

— Так что за заказ? — нетерпеливо спросила Илани, уже забыв о сваленном инструменте.

Захар вздохнул и потёр переносицу.

— Приходила сегодня одна... девушка. Юнна зовут. Открывает бьюти-кафе в центре. И ей нужны стулья. Но не простые, а чтобы с характером. Чтобы каждая ножка что-то означала. Понимаешь?

— Ого! — глаза Илани засверкали так, будто внутри у неё зажгли прожектор. — То ест не просо стул, а арт-объект! Пап, это же круто! А какие ножки? Какие она хочет?

— Она хочет три вида, — Захар развёл руками. — Первые — тонкие, изящные, как у балерины. Вторые — крепкие, устойчивые, как у спортсменки. Третьи — изогнутые, трагические, как... ну, она сказала, «как твоя судьба после тридцати пяти».

Настя прыснула в кулак. Это было похоже на сдержанный кашель, но Захар и Илани знали — это её способ смеяться, когда не хочет, чтобы это было заметно.

— Она серьёзно? — спросила Настя, поднимая бровь.

— Вполне, — вздохнул Захар. — И ещё уронила мне на чертёж чай и оставила жирный след от помады на разметке.

Илани залилась смехом — звонким, колокольчиковым, таким, от которого, начинают дребезжать стёкла в окнах.

— Пап, она мне уже нравится! — выдохнула девочка, утирая слёзы. — Звучит как человек, который знает, чего хочет! А ты ей показывал, что уже сделал?

— Я пока ничего не сделал, — признался Захар. — Я только обдумываю. Эскизы набросал, но...

— Так покажи! — Илани подбежала к верстаку и вцепилась в край чертежа. — Ну пап! Я хочу посмотреть!

Захар нехотя развернул бумагу. На ней были набросаны три силуэта ножек — тонкая, прямая и изогнутая. Рядом стояли пометки: «дуб», «бук», «ясен».

Илани склонилась над чертежом, сдвинув брови к переносице.

— Хм... — протянула она. — А можно... можно я тоже что-то нарисую? Ну, идей?

— Рисуй, — махнул рукой Захар. — Только не на чертеже, а вон на той стене, если хочешь. Там всё равно старая фанера, я собирался менять.

Илани не нужно было просить дважды. Она схватила уголёк из печки, которой, вероятно, топили мастерскую зимой, и в мгновение ока принялась рисовать на широком листе фанеры, прибитом к стене.

— Вот смотри! — говорила девочка, быстро водя угольком. — Это ножка «Боевая подруга» — толстая, квадратная, с шипами! Для стула, на котором сидят, когда пьют чай после тяжёлого дня и никого не хотят видеть!

— А это? — Настя подошла поближе, рассматривая каракули. Она старалась держаться на расстоянии, чтобы не испачкаться в угольной пыли, но любопытство взяло верх.

— А это «Ножка-мечта»! — Илани дорисовала длинную, витую линию. — Она как стебель цветка, тонкая, но сильная. Для девушек, которые ещё не знают, какие они на самом деле сильные!

Захар смотрел на рисунки и не мог сдержать улыбку. Угольные наброски были кривыми, детскими, но в них чувствовалась та самая жизнь, которой не хватало его строгим, выверенным чертежам.

— А это? — спросила Настя, указывая на самый странный рисунок в углу.

Илани замялась.

— Это... ну, это «Ножка-философия». Она такая... как будто сделали из того, что осталось. Когда ты понял, что жизнь — это не то, что ты планировал. Но она всё равно стоит. И на ней можно сидеть.

Захар и Настя переглянулись. Иногда Илани говорила вещи, которые было трудно понять, но почему-то они отзывались внутри.

— Ладно, — сказал Захар, качнув головой. — Будем считать, что это... творческий метод.

Но Ланька уже не слушала. Девочка крутилась по мастерской, хватая разные куски дерева и прикладывая их к стене, примеряя к своим наброскам.

— А вот этот кусок! — воскликнула она, поднимая какой-то корявый обрубок. — Он идеально подойдёт для «Боевой подруги»! Смотри, какой шершавый и неуклюжий! Как будто многое пережил!

— Дочка, это полено для растопки, — устало сказал Захар.

— Не важно! — Илани прижала полено к груди. — У каждого полена есть потенциал!

Настя, стоявшая у верстака, аккуратно отряхнула несуществующую пылинку с рукава и произнесла своим ровным, спокойным голосом:

— Сестра, ты сейчас похожа на человека, который пытается уговорить таксиста везти его в аэропорт на тачке для покупки.

Илани замерла, обернулась и уставилась на Настю с выражением лица, в котором смешались обида и восхищение.

— Это оскорбление или комплимент?

— Это было наблюдение, — спокойно ответила старшая сестра, — я просто отмечаю факты.

Захар фыркнул, пытаясь сдержать смех, но не смог.

— Девочки, вы невероятные, — сказал он, качая головой.

И тут зазвонил телефон.

Захар достал из кармана старый кнопочный аппарат, глянул на экран и поднял бровь.

— Юнна, — сказал он, отвечая. — Слушаю.

Девочки навострили уши. Илани замерла с угольком на полпути к стене. Настя перестала раскладывать стамески. Из трубки донёсся голос. Такой громкий и энергичный, что, казалось, он мог пробить стену мастерской без всяких инструментов.

— Захар! Захар, ты не поверишь!

Столяр поморщился и отодвинул трубку подальше от уха. Даже на расстоянии голос Юнны звучал так, будто девушка стояла рядом и кричала в рупор.

— Я тут сижу в интернете, ищу вдохновение для кафе, и натыкаюсь на конкурс!

— Конкурс? — переспросил Захар, стараясь говорить спокойно, чтобы хоть как-то уравновесить её энтузиазм.

— Конкурс для столяров! — голос Юнны взлетел на октаву выше. — «Древняя Русь — новый взгляд»!

Илани, услышав слово «конкурс», подскочила на месте и подбежала ближе к отцу, пытаясь заглянуть в телефон. Настя осталась у верстака, но теперь она не раскладывала инструменты, а просто держала в руках рубанок, прислушиваясь.

— Нужно придумать необычные изделия, — продолжала Юнна. — Мебель, утварь, что-то в стиле древнерусского быта, но с современным твистом!

— Древнерусского? — Захар почесал затылок. — Юнна, я столяр, а не реставратор. Я делаю современную мебель.

— Тем более! — воскликнула Юнна. — Это же вызов! Ты сможешь сделать что-то уникальное! И это будут оценивать настоящие мастера!

Захар вздохнул. Мужчина уже понял, что Юнна не отстанет, пока он не согласится.

— И что за приз? — спросил скорее для проформы, чем из интереса.

— Поездка в Хорватию! — выкрикнула Юнна так, будто сообщала о выигрыше в лотерею. — Представляешь? Хорватия! Море! Пальмы! Ну, не пальмы, но кипарисы! И море! Адриатическое море, Захар! Ты когда последний раз видел море?

Столяр замялся. Он не видел море очень давно. Может, никогда. Захар вырос в лесу, среди сосен и берёз, и море для нег было чем-то из книжек и телевизора.

— Юнна, я даже не знаю... — начал он. — У меня заказ…твой, работа, девочки только в школу пошли...

— Захар! — голос Юнны стал почти умоляющим. — Ты понимаешь, что это шанс? Ты же мастер! Я видела твои работы! Ты можешь сделать что-то невероятное! А если выиграешь — это ж реклама для твоей мастерской! Для кафе! Для всего!

— Но я никогда не делал ничего в таком стиле...

— А ты попробуй! — перебила Юнна. — Я тебе помогу! Уже набросала эскизы! Ну, не эскизы, а идей! Я тебе скину! Ты только согласись!

Захар посмотрел на Настю и Илани. Старшая пожала плечами — мол, решай сам. Младшая же смотрела на него огромными глазами, полными восторга и надежды. Девочка прижала руки к груди и беззвучно шевелила губами: «Соглашайся, пап, соглашайся!»

— Ладно, — выдохнул Захар. — Я подумаю.

— Отлично! — взвизгнула Юнна и отключилась.

Захар убрал телефон в карман и несколько секунд молча смотрел в одну точку. Потом повернулся к дочерям.

— Вы всё слышали? — спросил он.

— Обрывками, — честно призналась Настя. — Но достаточно, чтобы понять: какая-то женщина с громким голосом пытается затащить тебя в авантюру.

— Это не авантюра! — воскликнула Илани. — Это возможность! Пап, расскажи подробнее! Что за конкурс? Что нужно делать? Какой приз?

Захар вздохнул и присел на табуретку, которую до этого занимала Настя. Табуретка снова жалобно скрипнула.

— Ну, в двух словах, — начал он, — Юнна, та самая, которая заказала стулья с разными ножками, сидела в интернете, искала вдохновение для своего бьюти-кафе. И случайно наткнулась на объявление о конкурсе. Он называется «Древняя Русь — новый взгляд». Организаторы ищут столяров, которые смогут создать необычные изделия в стиле древнерусского быта, но с современным твистом.

— С твистом? — переспросила Илани. — Это как?

— Ну, — Захар почесал подбородок. — Представь, что ты делаешь лавку, но не простую, а с секретом внутри. Или прялку, которая превращается в светильник. Что-то, что сочетает старину и современность.

— Ого! — глаза Илани засверкали. — Это же можно придумать сто идей!

— Оценивать будут настоящие мастера, — продолжил столяр, — кто-то, наверно, из музеев, может из известных дизайнеров. И главный приз — поездка в Хорватию.

— В Хорватию? — выдохнула Илани так, будто это было название рая на земле. — Пап, это же море! Мы никогда не были на море!

— Я была, — тихо сказала Настя. — Три года назад. С мамой. Мы ездили в Анапу.

Все замолчали. Имя мамы редко произносили вслух. Это было слишком больно.

Илани первая нарушила тишину.

— Значит, надо выиграть! — сказала девочка с такой уверенностью, будто уже держала в руках путевку. — Пап, ты сможешь! Ты же волшебник! Ты из любой доски можешь сделать красоту!

Захар невольно улыбнулся. Илани умела зажигать свет в самой тёмной комнате.

— Ну, до волшебника мне далеко, — сказал отец. — Но попробовать можно.

— Ура! — младшая дочка подскочила и закружилась по мастерской, раскинув руки, как птица. — Мы поедем в Хорватию! Я буду купаться в море! Я буду есть местные фрукты! Я буду загорать!

— Ланька, — спокойно сказала Настя. — Хорватия — это не тропический рай. Там умеренный климат. Средиземноморский, но умеренный. И фрукты там такие же, как у нас. А загар в октябре — сомнительное удовольствие.

Илани замерла на полпути, обернулась и посмотрела на сестру с трагическим выражением лица, достойным Шекспировской драмы.

— Настюшка, ты всегда рушишь мои мечты! — воскликнула она драматическим шёпотом. — Я уже представила себя на берегу, с кокосом в руке, а ты...

— Во-первых, в Хорватии не растут кокосы, — перебила Настя, не меняя тона. — Во-вторых, я не рушу твои мечты. Я их корректирую. Чтобы ты не разочаровалась, когда увидишь реальность.

— Это одно и то же! — воскликнула Ланя и ткнулась лбом в плечо отца. — Пап, скажи ей, что я права!

Захар обнял младшую дочь одной рукой и посмотрел на старшую поверх её головы.

— Настёна права, — сказал он. — Но и ты права. Мечтать — это важно. Даже если мечта немного преувеличивает реальность.

Илани подняла голову и улыбнулась победно.

— Слышала? Я права!

— Ты услышала только то, что хотела услышать, — вздохнула Настя, но в уголках её губ дрогнула улыбка.

Захар посмотрел на часы. Было уже половина седьмого вечера.

— Ладно, девчонки, — сказал он, поднимаясь. — Пора собираться домой. Завтра новый день, а нам ещё ужин готовить.

— А можно я возьму уголёк домой? — спросила Илани, прижимая к груди кусок обгоревшего дерева. — Я хочу ещё порисовать эскизы.

— Бери, — махнул рукой Захар. — Только не испачкай всё вокруг.

— Я аккуратно! — пообещала Ланька и тут же, развернувшись, задела локтем банку с морилкой. Банка покачнулась, но Настя, не глядя, выставила руку и поймала её за секунду до падения.

— Держи, — сказала она, подавая банку отцу.

— Спасибо, — кивнул Захар. — Ты у меня просто ловитор.

— Рефлекс, — пожала плечами Настя. — Много лет опыта.

Илани тем временем уже надела рюкзак, засунула туда уголёк и теперь пыталась отереть чёрные пальцы о джинсы, от чего они становились только ещё грязнее.

— Илани, — устало сказала Настя. — Руки. Мой.

— Ай, ну мам... — начала Илани и осеклась. Она поняла, что сказала. — То есть... Настюш, ну пожалуйста, я потом помою.

— Сейчас, — твёрдо ответила сестра, — иначе ты испачкаешь дверь, ручки, стены и, какого-нибудь, кота соседей, когда мы будем заходить в подъезд.

— У нас нет кота у соседей, — нахмурилась Илани.

— Пока нет. Но с твоей удачей он появится именно в тот момент, когда ты будешь проходить мимо.

Илани вздохнула и поплелась к рукомойнику в углу мастерской.

Захар смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается тепло. Трудно было поверить, что прошло всего два дня с того момента, как они переехали в этот город. Казалось, что жили здесь всегда.

— Ну что, — сказал столяр, когда Илани наконец отмыла руки, и они вышли из мастерской. — Завтра начинаем готовиться к конкурсу.

— Ура! — снова воскликнула младшая дочка и подпрыгнула на месте.

— Только без фанатизма, — добавил Захар. — Сначала школа, потом уроки, а потом уже творчество.

— Договорились! — кивнула Ланя, но по её глазам было видно, что уже мысленно рисует новые эскизы прямо на стене школы.

Настя молча шла рядом, поправляя лямку рюкзака. Она ничего не сказала, но про себя отметила, что, возможно, этот город и эта мастерская — не самое плохое место для новой жизни.

А ещё девушка подумала, что Хорватия — это, наверное, действительно красиво.

Но вслух этого, конечно, не сказала.

Глава 4

«Фрейлина»

Два дня прошло с того вечера, когда Юнна позвонила Захару. Два дня, в течение которых мастерская гудела, как улей: мужчина то и дело возвращался к эскизам, которые будущая бьютти-королева прислала по почте (кривые линии, нарисованные мышкой в графическом редакторе, зато с душой), то открывал ноутбук, то закрывал, то снова открывал. Он ходил по мастерской, трогал доски, стоял у верстака, смотрел в окно — и всё это с видом человека, который пытается решить уравнение с тремя неизвестными.

Настя наблюдала за ним из-за стола, где делала уроки. Она видела, как отец достаёт из ящика старые инструменты — те, которыми почти не пользовался, — и вертит их в руках. Как он чертит что-то на обрывке бумаги, потом комкает и бросает. Как разговаривает сам с собой, шевеля губами.

Девушка знала это состояние. Это было то самое, когда идея уже поселилась внутри, но ещё не нашла форму. Когда ты ещё думаешь, что решаешь, а на самом деле — уже решил.

В четверг вечером Захар снова сидел над эскизами. Илани спала на диване в мастерской, укрывшись курткой отца, её косички разметались по подушке, а бусины тихо постукивали при каждом вдохе. Захар не замечал ни времени, ни тишины.

Настя отложила ручку и посмотрела на него.

— Пап.

— М? — он не поднял головы.

— Пап, я хочу тебе кое-что сказать.

Захар оторвался от бумаг и посмотрел на дочку. В его взгляде была усталость, но и что-то тёплое — то, что всегда старался прятать, но что всё равно пробивалось наружу, когда смотрел на девочек.

— Что такое, Настюш?

Девочка помолчала секунду, собираясь с духом. Потом сказала ровно, как умела:

— Я не хочу терять времени. Пока ты думаешь над заказом Юнны, я тоже хочу попробовать.

— Попробовать что?

— Театр. Здесь есть театр оперетты. Настоящий. Видела объявление на их сайте, идёт набор людей для новой постановки. Массовку, второстепенные роли. Я записалась на прослушивание. Завтра.

Захар медленно отложил карандаш. Посмотрел на неё внимательно — так, как смотрят на человека, которого знают всю жизнь, но только что сказавшего нечто неожиданное.

— Ты записалась на прослушивание, — повторил он, — сама.

— Сама.

— Не посоветовалась со мной.

Настя выдержала его взгляд.

— Я советуюсь сейчас. Просто подумала, что если ждать разрешения, можно прождать всю жизнь. Ты сам так говорил. Помнишь? Когда мы переезжали.

Захар молчал. Он действительно это говорил. В тот вечер, когда сидели среди коробок в пустой квартире, и Илани плакала, потому что не хотела оставлять подругу, и Настя не плакала, но была бледнее обычного. Тогда он сказал: «Уезжаем не потому что нам легко. Мы едем потому что, если не поедем сейчас, то не поедем никогда».

Мужчина потёр лицо ладонью.

— И что, там серьёзно? Не кружок самодеятельности?

— Это профессиональный театр. У них идут постановки. Настоящие. Я прочитала всё, что нашла. Сейчас ставят «Лунную графиню» Кальмана.

— Кальмана, — Захар усмехнулся. — Надо же. Я в молодости слушал «Сильву». У бабушки была пластинка.

— Значит, ты не против? — тихо спросила Настя.

Захар посмотрел на неё. На эту девочку, которая в шестнадцать лет умела держать спину так, будто выросла на сцене. На эту девочку, которая никогда не просила больше, чем нужно, и всегда делала больше, чем просили. На эту девочку, которая так похожа на мать — и внешне, и этим своим упрямым спокойствием, за которым пряталось всё, что она не хотела показывать.

— Я не против, — сказал в итоге. — Я горд. Но я пойду с тобой.

— Не надо, пап.

— Почему?

— Потому что если ты пойдёшь, я буду волноваться ещё сильнее. А если я буду волноваться одна, то смогу это спрятать.

Захар долго смотрел на дочку. Потом вздохнул.

Захар долго смотрел на неё. Потом вздохнул.

— Ты слишком взрослая, — сказал он. — Это моя вина.

— Это не вина, — сказала Настя. — Это просто так.

Она встала, подошла и поцеловала отца в щёку. Коротко, быстро, как будто украла. Потом пошла к дивану, где спала Илани, и укрыла сестру пледом, который та скинула во сне.

Потом вернулась к столу и села рядом. Помолчала. И сказала:

— Я завтра расскажу Илани.

— Зачем? — Захар поднял бровь. — Она же будет переживать.

— Мы не прячем друг от друга ничего, — сказала Настя просто. — Никогда не прятали. Если я пойду и не скажу ей, она обидится. И будет права.

Захар кивнул. Он знал это про своих дочерей. Между ними не было секретов, не потому что были идеальными детьми, а потому что слишком многое пережили вместе, держались друг за друга так, что никакая сила не могла их разъединить.

— Ладно, — сказал Захар. — Только не разбуди её сейчас. Утром.

— Утром, — согласилась Настя.

Илани сидела на кровати, ещё сонная, с растрёпанными косичками, и слушала, как Настя объясняет про театр, про объявление на сайте, про прослушивание, про то, что она записалась сама.

— Ты записалась на прослушивание, — сказала Илани медленно. — В театр. Настоящий.

— Да.

— И не сказала мне.

— Говорю сейчас.

Илани молчала. Настя видела, как на её лице сменяются эмоции — сначала обида, потом удивление, потом что-то ещё, тёплое.

— Я хочу пойти с тобой, — сказала наконец Илани.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что сама буду волноваться. А с тобой ещё сильнее, не смогу показать то, что умею. Понимаешь?

Илани надула губы. Потом вздохнула.

— Ладно. Но ты напишешь мне, когда можно будет тебя встречать.

— Напишу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Илани посмотрела на неё долгим взглядом. Потом вскочила с кровати и обняла сестру — крепко, так, что косички с бусинами застучали по спине Насти.

— Ты справишься, — сказала она в плечо. — Ты всегда справляешься.

Настя обняла сестру в ответ. И впервые за всё утро почувствовала, что волнение немного отступило.

Театр оперетты стоял на углу улицы, будто случайно забытый здесь кем-то из другого, более нарядного времени. Жёлто-кремовый фасад с лепниной, высокие арочные окна, тяжёлые дубовые двери с бронзовыми ручками в виде театральных масок. Настя остановилась напротив и почувствовала, как сердце сделало что-то странное: сначала замерло, потом ударило дважды подряд, быстро и глупо.

Как и планировала, Анастасия пришла одна. С собой принесла только папку. Портфолио. Дома вместе с Илани проверяли её четыре раза. Внутри фотографии. Школьные спектакли маленького городка, который остался позади: «Снежная королева», играла Герду и чуть не упала со сцены, потому что туфли были на размер больше. «Двенадцать месяцев», досталась роль Королевы — единственная роль, где Настя могла быть холодной и властной, и это оказалось на удивление легко. «Алые паруса», она была Ассоль и плакала по-настоящему, потому что в тот день мама не пришла на спектакль. Фотографии были любительские, снятые на телефон учительницы литературы, но Анастасия отобрала лучшие. Те, где видно глаза, и то, что она не просто стоит на сцене, а живёт там.

Девочка посмотрела на здание ещё раз. Окна были тёмными, но за одним, на втором этаже, горел свет.

«Кто-то там есть, — подумала Настя. — Значит, это не ошибка. Значит, это действительно театр, и в нём что-то происходит.»

Она поднялась по ступеням. На последней остановилась, положила руку на дверную ручку холодную, бронзовую, с маской, которая улыбалась ей в ладонь, и толкнула дверь. Внутри пахло пылью, лаком и чем-то неуловимо-театральным, то ли гримом, то ли старой тканью декораций. Фойе было пустым, только у гардероба сидела женщина в очках и вязала что-то бесконечное. Настя сделала шаг. Потом ещё один. Пол был мраморный, и каблуки стучали громче, чем хотелось. Будущая актриса шла и чувствовала, как с каждым шагом волнение не уходит, а наоборот, растёт, поднимается откуда-то из живота к горлу, и в какой-то момент ей стало трудно дышать.

«Я могу уйти, — подумала Настя. — Могу просто развернуться и выйти. Никто не узнает. Никто не осудит. Папа поймёт.»

Остановилась.

«Нет, — сказала она себе. — Я не уйду. Я пришла сюда не для того, чтобы уйти.»

И подошла к гардеробу.

— Здравствуйте, — сказала девочка. Голос прозвучал ровно. Настя этому научилась — говорить ровно, когда внутри всё дрожит.

Женщина подняла голову от вязания. Очки сползли на нос, она поправила их движением, которое, судя по всему, повторяла сотни раз в день.

— Вы на прослушивание? — спросила женщина, не поднимая глаз.

— Да, — сказала Настя.

Женщина посмотрела на неё внимательнее. Потом на папку в её руках. Потом снова на неё.

— А вы кто? Я что-то не помню вас в списках.

Настя почувствовала, как что-то внутри сжалось. Она ожидала этого вопроса, готовилась к нему.

— Я записалась через сайт, — ответила девочка. — Вчера вечером. Анастасия Захаровна Снежневская.

Женщина отложила вязание и достала из-под стойки старый журнал с закладками. Пролистала. Потом ещё раз. Настя смотрела на её пальцы, на страницы, на секунды, которые тянулись бесконечно.

— Есть, — сказала наконец женщина. — Снежневская. Только тут написано, что вы из другого города. Переехали?

— Да. Недавно.

— Понятно, — женщина снова надела очки и посмотрела на Настю поверх них. — Волнуетесь?

Девушка хотела сказать «нет». Всегда говорила «нет» на этот вопрос. Но здесь, в этом фойе, среди пыли и лака, вдруг поняла, что врать бессмысленно.

— Очень, — сказала Анастасия.

Женщина улыбнулась неожиданно тепло.

— Все волнуются, — сказала она. — Даже те, кто уже двадцать лет на сцене. Это не проходит. Просто становится тише.

Потом махнула рукой в сторону лестницы.

— Второй этаж, репетиционный зал номер три. Там уже ждут.

Настя кивнула и пошла к лестнице. Каждый шаг отдавался в мраморном холле гулким эхом, и ей казалось, что весь театр слышит, как она идёт. Как будто театр уже оценивал, решал, достойна ли она.

Широкая лестница манила вверх, а кованые перила, украшенные бронзовыми путти — пухлыми ангелочками с театральными масками, — словно хранили чьё-то недавнее прикосновение. Проведя по металлу пальцами, Настя почувствовала его тёплую поверхность — будто кто-то только что опирался на перила. На втором этаже царил полумрак: длинный коридор уходил в глубину, и лишь в самом его конце пробивалась узкая полоска света из приоткрытой двери. Тянущийся вперёд луч будто звал за собой, и Настя, поколебавшись, двинулась на свет.

Зал номер три оказался просторным помещением: зеркальная стена отражала тусклые блики, в углу притаилось пианино, а вдоль комнаты вытянулся длинный стол. За ним сидели трое — двое мужчин и женщина. Настя замерла в дверях. В груди вдруг вспыхнул острый порыв развернуться, сбежать, вернуться домой и просто сказать, что ничего не вышло. Пусть будет неудача, пусть будут упрёки, лишь бы не сталкиваться с этим леденящим душу предчувствием.

Но она не ушла. Мужчина в центре, худой, седой, с острым взглядом и воротником, поднятым так высоко, будто прятался от сквозняка, поднял голову.

— Анастасия? — спросил он.

Настя шагнула вперёд. Она не помнила, как оказалась в середине комнаты. Просто в какой-то момент поняла, что стоит под светом лампы, а трое смотрят на неё.

— Анастасия Захаровна, — поправила она. — Очень хочу попробовать.

Мужчина усмехнулся. Это была не насмешка, скорее одобрение.

— Меня зовут Аркадий Львович. Я режиссёр. Это мой ассистент, Пётр Андреевич, и наш хореограф, Инга Марковна.

Женщина-хореограф чуть наклонила голову — приветствие, которое Настя видела только в кино. Ассистент, невысокий мужчина с блокнотом, что-то черкнул.

— Покажите, что у вас есть, — сказал Аркадий Львович.

Настя протянула папку. Рука не дрожала. Она сама удивилась этому. Аркадий Львович открыл и начал листать. Медленно. Слишком медленно. Настя стояла и смотрела на его лицо, пытаясь угадать, что думает, но лицо было непроницаемым, как у карточного игрока.

Режиссёр переворачивал страницы. Герда. Королева. Ассоль. Джульетта.

— Герда, — сказал он. — Королева. Ассоль. Джульетта в отрывке, — поднял глаза, — Вы играли Джульетту?

— Только монолог, — сказала Настя. — На конкурсе чтецов. Заняла второе место.

— А кто был первым?

— Мальчик, который читал Маяковского. Он был очень громкий.

Аркадий Львович хмыкнул. Женщина-хореограф улыбнулась. Настя не поняла, что это значит, и это напугало больше, чем если бы они нахмурились.

— А почему вы выбрали именно эти фотографии? — спросил вдруг ассистент, Пётр Андреевич. — У вас, наверное, есть и другие.

— Есть, — сказала Настя. — Но на этих я не просто стою на сцене. На этих видно, что живу.

Тишина. Трое переглянулись. Настя не знала, что это значит. Она стояла и ждала.

— Хорошо, — сказал наконец Аркадий Львович, закрывая папку. — У нас сейчас постановка. «Лунная графиня». Знаете?

Настя покачала головой.

— Это оперетта Кальмана. Одна из его поздних, не самая известная. История о графине, которая влюбляется в простого музыканта, но вынуждена выйти замуж за богатого аристократа. Есть сцена бала. Много массовки. Нам нужны фрейлины.

Настя почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. Фрейлина. Массовка. Не главная роль. Не даже второстепенная. Просто фон. Девочка опустила глаза на секунду. Потом подняла.

— Я понимаю, — сказала она, и голос не дрогнул. — Я согласна.

— Вы даже не спросили, сколько платят.

— Мне не важно, сколько платят, — сказала Настя. — Мне важно быть на сцене.

Аркадий Львович посмотрел на неё долгим взглядом. Потом кивнул.

— Репетиции по вторникам и четвергам, с пяти до восьми. Попросим ещё раз прийти завтра. Вам выдадут костюм, но обувь своя. Каблук не выше пяти сантиметров.

Он уже начал что-то писать в блокноте, но потом поднял глаза, и в них мелькнула та самая мысль, которая, видимо, только что пришла ему в голову.

— Слушайте, Настя. У нас сегодня как раз репетиция. Не хотите остаться? Посмотрите, как всё устроено. Это будет полезнее, чем читать про театр в интернете. Настя замерла. Она не ожидала этого. Уже готовилась к тому, что её попросят уйти, что дверь закроется, и останется одна в тёмном коридоре. Но не к этому.

— Можно? — спросила Анастасия, и в голосе впервые за весь день дрогнула та самая девочка, которой она была на самом деле — шестнадцатилетняя, испуганная, но до безумия счастливая.

— Можно, — сказал Аркадий Львович. — Только тихо. Сядьте в последнем ряду и не мешайте.

Настя кивнула и вышла из зала, уже не как просительница, а как гостья. В коридоре она прислонилась к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Её взяли. Пусть и в массовку. Она будет стоять на сцене настоящего театра, в настоящем костюме, под настоящим светом софитов.

Не заплакала. Настя вообще редко плакала. Но в этот момент очень хотелось.

Она открыла глаза. Коридор был длинным и тёмным, и в конце его, где-то далеко, горела та самая полоска света из-за двери. Настя постояла ещё немного, слушая, как успокаивается сердце. Потом поправила юбку, взяла папку и пошла вниз.

Женщина в гардеробе подняла голову.

— Взяли?

— Взяли, — сказала Настя.

— А чего вернулись?

— Осталась посмотреть репетицию.

Женщина улыбнулась, и на этот раз в её улыбке было что-то похожее на уважение.

— Тогда вам в большой зал. Через холл, налево, до конца. Идите.

Настя пошла. Большой зал оказался именно таким, каким его представляла — высокий потолок, лепнина, ряды бархатных кресел, которые в полумраке казались тёмно-красными, почти чёрными. На сцене горел свет — не полный, а рабочий, репетиционный, — и там уже были люди.

Девочка опустилась в кресло последнего ряда — так велел Аркадий Львович. Мягкое сиденье чуть прогнулось под её весом, а в воздухе витал едва уловимый запах пыли. Положив папку на колени, застыла, будто время вокруг замедлилось.

На сцене шла репетиция сцены бала. Взгляд сразу выхватил фрейлин — четыре девушки в длинных платьях стояли полукругом. Грим ещё не был завершён, а вместо бальных туфель на них были тренировочные. Инга Марковна, хореограф, словно ваяла живую композицию: то приподнимала кому-то руку, то чуть разворачивала плечи, то мягко поправляла наклон головы, придавая каждой позе безупречную выразительность.

— Нет, нет, нет, — говорила она. — Вы не солдаты на параде. Вы фрейлины. Вы знаете, что вы красивы. Вы знаете, что на вас смотрят. Но вы не показываете этого. Величие — это спокойствие.

Настя смотрела, как девушки повторяют движение — снова и снова, пока оно не становилось плавным, будто вода. И в какой-то момент поймала себя на том, что повторяет вместе с ними — одними губами, пальцами, незаметно, в темноте последнего ряда.

Потом на сцену вышла женщина — невысокая, но с такой осанкой, что казалась выше всех. Настя поняла, что это графиня. Она запела — негромко, вполголоса, экономя силы, — но даже этого хватило, чтобы по спине пробежали мурашки.

«Вот оно, — подумала она. — Вот то, ради чего я здесь.»

Она достала телефон. На экране было сообщение от отца: «Как прошло?»

Настя набрала ответ, но потом стёрла. Набрала снова. Стёрла.

Потом просто написала: «Взяли. Фрейлина. Репетиции по вторникам и четвергам. Осталась посмотреть репетицию. Скоро пойду домой».

Ответ пришёл через несколько секунд: «Горжусь».

А потом телефон завибрировал снова — это было сообщение от Илани, которая, видимо, всё это время сидела и ждала: «НУ ЧТО?!»

Настя улыбнулась. Набрала: «Взяли. Фрейлина. Приходи встречать».

Ответ пришёл мгновенно, и в нём было столько восклицательных знаков, что телефон, казалось, стал тяжелее: «БЕГУ!!!»

Настя убрала телефон в карман и пошла вниз по ступеням, навстречу сестре, которая уже шла вприпрыжку, косички с бусинами развевались на ветру.

Глава 5

«Проект «Моя семья» и экскурсия в мастерскую»

Урок географии в пятом «Б» тёк спокойно и размеренно. На доске виднелся континент — немного неровный, но вполне узнаваемый. Лилия Сергеевна увлечённо рассказывала о пустынях: о том, как закатные лучи окрашивают песок в тёплые оттенки, как стойко выживают растения в суровых условиях и как по древним маршрутам до сих пор следуют караваны. В её глазах читалась особая усталость не раздражённая, а глубокая, словно на плечах лежала тяжесть целого мира. И всё же учительница не теряла способности улыбаться этому миру. Её уроки были особенными: вместо сухих координат Лилия Сергеевна дарила ребятам живые образы — рассказывала, как пахнет воздух в саванне после дождя и какого удивительного цвета море у норвежских берегов. Неудивительно, что даже самые непоседливые ученики ловили каждое её слово.

Илани слушала, подперев голову ладонью. В окно светило октябрьское солнце, а на парте плясали пятна света. Косички с бусинами тихо постукивали, когда девочка поворачивала голову вслед за мыслью.

— ...и поэтому в оазисах, — говорила Лилия Сергеевна, — селились люди. Вода — это жизнь. Там, где есть вода, всегда есть жизнь, торговля, песни и...

Она осеклась. В дверь заглянула завуч с листом бумаги в руках.

— Извини, Лиля. На минутку. Это для твоего класса.

Она положила лист на учительский стол и вышла. Лилия Сергеевна подошла, взяла лист, пробежала глазами. И вдруг улыбнулась так, что класс насторожился. Учительницы улыбаются так только когда делают что-то очень хорошее или очень плохое.

— Так, — сказала Лилия Сергеевна, поворачиваясь к классу. — Внимание. Городская администрация объявляет конкурс. Называется «Моя семья — моя гордость». Каждый может подготовить проект о профессии своих родителей. Рассказать, показать, чем занимаются мама и папа. Победители получат грамоты, а лучшие проекты выставят на городской ярмарке. В центре. С обычными людьми. И с мороженым.

Последнее предложение сработало лучше всего. Класс загудел.

— А можно про бабушку? — спросила кто-то с задних парт.

— Можно про любого члена семьи.

— А если папа безработный?

Класс притих. Лилия Сергеевна посмотрела на того, кто спросил, на Витьку Сумина, худого мальчика с вечно испачканными чернилами пальцами, и сказала спокойно:

— Тогда расскажи про то, как твоя мама тянет вас четверых одна. Это тоже профессия. Самая тяжёлая.

Витька опустил глаза, но, кажется, слегка выпрямил спину.

— Работы сдавать через три недели, — продолжала Лилия Сергеевна. — Формат свободный. Рассказ, презентация, макет, видео. Хоть стихи. Главное — чтобы было про то, чем живёт твоя семья.

Звонок прозвенел через две минуты, но никто уже не смотрел на часы. Все обсуждали. У кого папа водитель, у кого мама повар, у кого программист в офисе со стеклянными стенами. Илани сидела молча и смотрела в окно.

«Папа, — думала она. — Папа — это же самое интересное, что может быть. Делает вещи руками. Из дерева.»

Перед её мысленным взором возникла мастерская: терпкий запах стружки, надёжный верстак и инструменты, которые Захар хранил с такой заботой, будто они были живыми. Ей захотелось принести в класс кусочек дерева с причудливым узором и увидеть удивление на

лицах одноклассников. А следом тут же мелькнула тревожная мысль: вдруг кто-то небрежно бросит: «И это всё? Просто какой-то дядька что-то пилит?» Илани сжала кулачки. Красная бусина на макушке качнулась вперёд.

«Ну и пусть говорят, — подумала она. — Они просто не видели, как папа работает.»

Даяна, та самая девочка с мышиным хвостиком, ждала Илани у выхода из класса, переминаясь с ноги на ногу. Девочки знали друг друга всего три дня — три дня! — но Даяна уже не могла объяснить себе, почему стоит тут, а не идёт домой, как раньше. Просто когда Илани рядом, дорога домой становилась какой-то другой. Короче, что ли. Интереснее.

За эти три дня Даяна изменилась. Незаметно для себя, но заметно для всех. Сначала она просто завязала хвостики чуть выше обычного. Потом попросила маму заплести две косички. А накануне вечером, сидя перед зеркалом с расчёской и тремя резинками, сделала то, что сама назвала «почти как у Илани»: восемь маленьких хвостиков, уложенных змейкой ото лба к затылку. Не косички, конечно, и бусин не было, мама не разрешила дырявить резинки, но узор был.

Илани, увидев утром, остановилась посреди класса, прижала руки к щекам и расплылась в улыбке до ушей.

— Ты чего? — спросила Даяна, засмущавшись. — Смешно?

— Красиво, — сказала Ланя честно. — Очень. Теперь ты как маленькая королева. Только знаешь что? Завтра я принесу тебе одну бусину. У меня дома целая шкатулка. Просто привяжешь к хвостику ниткой — и всё.

Даяна покраснела до самых хвостиков.

— Правда?

— Я же говорю, у меня целая шкатулка. Выбирай любую. Красную нельзя, красные мои.

И обе захихикали так, что обернулся даже Гоша Рубин.

Девочки шли по улице, и Даяна всё никак не могла успокоиться.

— А что ты думаешь? — спрашивала она. — Про конкурс?

— Да все обсуждают, — Илани махнула рукой. — Витька Сумин сказал, что будет про маму делать. Говорят, Лиля Сергеевна ему так ответила, что он даже спину распрямил. А Гоша, наверное, будет папу про кроссовки рассказывать. Он их три раза уже показывал, говорили, что это лимитка.

— Лимитка?

— Ну, которой мало. Даяна, ты чего, ты же модная.

— Я не про кроссовки думала, — призналась Даяна. — Я вообще думала... не участвовать.

Илани остановилась прямо посреди тротуара, и какой-то мужчина чуть не врезался в неё, пробурчал «осторожнее» и пошёл дальше.

— Как это — не участвовать?

— Ну... — Даяна потупилась и стала разглядывать собственные ботинки. — А про что рассказывать? Мама работает в поликлинике на регистратуре. Она всё время записывает. Кого-куда. Это... ну... скучно же. У кого-то папа программист, у кого-то повар, а у меня... тетрадка и окошко.

— Это не скучно, — возразила Илани так убеждённо, будто от этого зависело что-то очень важное. — Подумай сама: мама знает, куда идти человеку, когда ему плохо. Он заходит потерянный, испуганный, а она ему говорит: иди туда, всё будет хорошо. Первая, кого видит человек, когда ему страшно. Это же как... как привратник в замок. Все проходят через неё. Ни один рыцарь в замок без неё не попадёт!

Даяна удивлённо посмотрела на неё.

— Ты так думаешь?

— Я не думаю. Я знаю, — сказала Илани. — И вот увидишь, твой проект будет самый... самый нужный. Про всех делают, а про того, кто первым встречает, — никто. Твоя мама — как начало всех начал.

— Ты прямо как учительница говоришь, — засмеялась Даяна.

— Даяна! — Илани вдруг схватила её за рукав, и глаза стали совсем большими. — Слушай... а что, если... что, если устроить экскурсию? Настоящую! Всему классу! В мастерскую!

— Экскурсию? — Даяна моргнула.

— Ну да! Лилия Сергеевна же говорила — формат свободный. Я не буду просто рассказывать. Это скучно. Я приведу всех к папе, и он покажет. Станок, инструменты, стружку — она, кстати, как лента закручивается, я тебе потом сама покажу, как её получать. Всё! Это будет лучший проект во всей школе. Может, даже во всём городе. Мы с тобой вдвоём всё устроим.

— Мы?.. — Даяна запнулась.

— Ну а то! — Илани посмотрела на подругу так, будто это было очевидно. — У меня загорелась идея — а у тебя будет гореть вместе со мной. Это называется «команда».

Даяна смотрела на неё так, как смотрят на человека, который предлагает переплыть океан на табуретке.

— А учительница разрешит?

— Она же сама сказала: рассказ, презентация, макет... — Илани загнула пальцы. — Экскурсия — это лучше, чем всё это вместе взятое. Это же рассказ, только живой. Про рассказы говорят «интересно», а про экскурсию скажут «вау».

— А твой папа разрешит?

Илани замерла. Она вдруг представила Захара, каким он бывает, когда приходит домой после работы: тихий, немного уставший, с запахом лака и дерева. Он не любит лишнего шума, не любит, когда мешают работать.

А потом девочка вспомнила, как Захар сказал Юнне: «Приходи, если что-то непонятно. Помогу».

— Разрешит, — сказала она с той уверенностью, которая не оставляла места сомнениям. — А если он засомневается, я ему скажу, что это конкурс, а в конкурсе побеждает команда. Пойдём завтра и спросим. Сначала у Лилии Сергеевны, потом у папы. Потом составим план. У нас будет три дня, чтобы всё подготовить, это целая вечность.

— Три дня — это не вечность, это три дня, — сказала Даяна, но улыбалась.

— Для таких, как мы, — это вечность.

— Почему «мы»? — тихо спросила Даяна. Ей до сих пор было непривычно, что кто-то автоматически ставит её рядом с собой, в одно «мы».

— Потому что ты моя помощница, — сказала Илани невозмутимо. — Помощница нужна любому организатору. Это закон. А ещё ты теперь с бусиной, а кто с бусиной, тот в команде. Пошли, а то Настя ждёт с докладом про театр. Она вчера с прослушивания пришла какая-то счастливая-несчастная, я до сих пор не всё выпытала.

— А что за театр?

— Оперетта! Настоящий! Её взяли, между прочим, с первого раза. Я говорю — у нас вся семья с первого раза. Я — в организаторы, Настя — в артистки, папа — в лучшие столяры города. Всё по плану.

И одноклассницы пошли по октябрьской улице — маленькая команда из двух человек, у которой было общее «мы», один общий конкурс и целая вечность длиной в три дня.

Вечером накануне экскурсии Ланя выложила семье всё разом: конкурс «Моя семья — моя гордость», задание Лилии Сергеевны, и то, что завтра целый пятый «Б» войдёт в мастерскую Захара. Столяр выслушал, отложил стамеску и после долгой паузы сказал только: «Инструктажу быть, значит». А Настя, вместо того чтобы посмеяться, села рядом и весь вечер помогала младшей сестре, набросала план экскурсии на листке в клеточку, придумала, с чего

начать и чем закончить, а под конец научила Илани главному актёрскому секрету: «Говори тише, когда хочешь, чтобы слушали. И делай паузы. Пауза — это оружие».

В четверг утром мастерская Захара встретила их запахом. Это было первое, что ударяло в нос, когда открывалась дверь: тёплый, глубокий запах дерева: сосна, дуб, немного лака, машинного масла, стружки, которая, казалось, пахла даже сильнее, чем целое дерево. Пахло так, как нигде: ни в школе, ни в магазине, ни у бабушки на антресолях.

— Ого, — сказал кто-то.

— О-о-о, — сказал кто-то другой.

Пятый «Б» ввалил в мастерскую и замер. Помещение было огромным, сравнительно с тем, к чему привыкли дети. Высокий потолок с деревянными балками. Стеллажи вдоль стен, уставленные заготовками: доски, бруски, что-то круглое, что-то изогнутое. Верстак у окна, весь в царапинах и пятнах от краски. Станок в углу, накрытый брезентом, как спящий зверь. Инструменты на стене — аккуратные ряды, каждый в своём месте, отполированные до блеска там, где их держат руки.

— Проходите, проходите, — Захар стоял посреди мастерской в рабочем фартуке, и выглядел он непривычно торжественно. Мужчина даже, кажется, побрился. — Только аккуратно. Не бегаем, не трогаем без спроса, не суём пальцы куда попало. Особенно вон туда, — кивнул на станок. — Туда вообще не суём. Это правило номер один.

— А что там? — не выдержал кто-то.

— Там пальцы теряют, — сказал Захар спокойно. — Правило номер один, повторим?

— Не суём пальцы в станок! — хором ответил класс.

— Вот и молодцы.

Илани вышла в центр выпрямив спину, как Настя учила. Рядом встала Даяна: девочка волновалась так, что пальцы побелели держа линейку, которую зачем-то принесла вместо указки, но стояла. Не убежала. Илани осторожно, чтобы никто не заметил, дотронулась до её рукава — держись, ты в команде — и заговорила.

Ланя не читала с листка. Никогда не понимала, как это, читать с листка, девочка всегда говорила то, что думала, и это, как ни странно, работало лучше.

— Так, — сказала она, обводя класс взглядом. — Это мастерская моего папы. Его зовут Захар. Он столяр. То есть он не просто столяр, делает вещи, которые живут дольше, чем мы. Вот этот стул, — Ланя положила руку на табуретку, на которой сидел Витька Сумин, — папа сделал восемь лет назад. Для кого-то. Табуретку купили, человек пользовался, потом отдал кому-то, потом ещё кому-то, а она всё ещё живая. И ты, Витька, на ней сидишь, и она тебя держит.

Витька посмотрел вниз, на табуретку, с новым уважением.

— Папа работает с деревом. Настоящим. Он говорит, что у каждого дерева свой характер, — тут Илани, помнив наставление Анастасии, сделала паузу и обвела всех глазами. Сработало: класс притих. — Сосна — она как ребёнок, мягкая, податливая, с ней легко. Дуб — как старик, твёрдый, упрямый, его надо уговаривать. Орех — как красавица, у него узор внутри, и когда его вскрываешь, то видишь то, чего никто не видел до тебя.

— А это вообще модно? — спросил вдруг Гоша Рубин — мальчик с четвёртой парты, у которого были новенькие кроссовки и телефон последней модели. — Ну, то есть... сейчас же всё можно купить. В магазине. Дёшево. Зачем что-то делать руками, если можно заказать?

В мастерской стало тихо. Илани почувствовала, как что-то горячее поднимается внутри — от шеи к щекам. Красная бусина на макушке качнулась вперёд. Она открыла рот, чтобы ответить резко, — так, как обычно отвечала.

И тут дверь мастерской распахнулась. На пороге стояла Юнна с велосипедом, который втащила прямо на крыльцо, в наушниках, небрежно спущенных на шею. Она оглядела мастер-

скую: класс, табуретки, Илани с Даяной, Захара в интересном, как Юнна отметила про себя, фартуке и за секунду поняла всё. Глаза озорно блеснули.

— О! — сказала девушка громко, входя внутрь. — Так вот, значит, где проходят тайные собрания столярного братства! А мне никто не сообщил!

Дети захихикали. Юнна поставила велосипед, стянула куртку и пошла прямо в центр мастерской, как на сцену, — подошла к Даяне и шёпотом, но так, что слышали все, спросила:

— Экскурсия? Вы экскурсоводы? Девочки, я вам нужна. У меня диплом почётного помощника столяра Захара, — она кивнула в сторону. — Вторая степень.

— Вторая? — подхватилась Даяна, впервые за утро забыв про волнение.

— Вторая. Первую мне ещё не дали, потому что я до сих пор путаюсь, где рубанок, а где фуганок. Но ножки для стула я знаю. Лично наблюдала процесс. Дважды.

Затем повернулась к классу, подмигнула Илани — и та поняла: Юнна включила актрису. Настин мир, эти уже знакомые правила: говори тише, делай паузы, держи зал.

Лилия Сергеевна, стоявшая у двери, тем временем смотрела на Захара. Учительница ловила себя на этом уже в третий раз за пять минут — и каждый раз с удивлением. Столяр объяснял детям, как держать стамеску, и делал это без тени суеты, спокойно и точно, как человек, который знает своё дело до кончиков пальцев. «Интересно, — подумала женщина и тут же одёрнула себя. — Лиля, тебе сорок два, а ты пятишься на столяра, как восьмиклассница». Учительница опустила глаза и почти сразу подняла снова. Захар как раз посмотрел в её сторону, и на секунду их взгляды встретились. Лилия Сергеевна поспешно занялась очень важным изучением ближайшего стеллажа с досками.

А в центре мастерской Гоша Рубин всё ещё ждал ответа на свой вопрос.

Илани выдохнула. Медленно. Красная бусина откатилась назад. Пауза — это оружие, — вспомнила она Настины слова.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Сейчас объясню.

Девочка подошла к стеллажу и взяла оттуда небольшую деревянную шкатулку — ту, над которой Захар работал для конкурса, ещё в их прошлом городе, с инкрустацией в виде луны.

— Вот, смотри, — протянула шкатулку Гоше. — Это папа сделал. Вручную. Возьми. Подержи.

Гоша взял шкатулку. Повертел в руках.

— И что?

— Открой.

Мальчик открыл. Внутри шкатулка была обита бархатом, а на внутренней стороне крышки был вырезан узор — тонкий, как паутина, лунный серп со звёздами.

— Красиво, — сказал Гоша неохотно.

— А теперь, — сказала Илани, — подумай вот о чём. Эту шкатулку нельзя купить в магазине. Такой больше никто не сделает. Она одна. Если папа сломает руку, шкатулка перестанет существовать — таких больше не будет никогда. А теперь представь: ты взрослый, у тебя дочь. И ты ей даёшь не телефон, который через два года устареет, а вот это. И говоришь: это сделал твой дедушка. Руками. Для тебя.

Гоша молчал. Он смотрел на шкатулку. Кажется, держал теперь аккуратнее.

— Вещи, которые сделаны руками, не устаревают, — продолжала Илани. — Телефон устареет. Кроссовки износятся. А это, — она кивнула на шкатулку, — будет жить сто лет. Пятьсот лет. Может, больше. Папа говорит, что самая старая вещь, которую он реставрировал, была сделана в 1890 году. Сто тридцать лет назад. И она жива. Твой телефон так не сможет.

— И мода тут ни при чём, — подхватила Юнна, входя в круг. Девушка говорила негромко, но все услышали. — Мода — это то, что меняется каждый сезон. А вечные вещи — это то, что остаётся. Твой прадед носил брюки, ты носишь джинсы — мода поменялась, а

штука, чтобы закрывать ноги, осталась. Вот и здесь. Люди всегда будут нуждаться в том, что сделано хорошо и с душой. Это не мода. Это вечно.

Тишина. Гоша посмотрел на Юнну. Потом на Илани. Потом на Даяну, которая смотрела на подругу с открытым ртом и гордостью. Потом на шкатулку в своих руках. Потом осторожно, почти бережно, закрыл крышку.

— А чем её делали? — спросил он. — Вот этот узор?

И Илани поняла: победила.

— Юнна, покажи? — сказала она.

И Юнна рассказала про ножки для стула — про то, как Захар гнёт дерево, распаривая его, как держит заготовку в специальном приспособлении, как потом ждёт двое суток, пока дерево «запомнит» новую форму. Она рассказывала увлечённо, размахивая руками, изображала, как дерево «сопротивляется», как Захар с ним «договаривается», и дети хохотали и слушали, открыв рты. Столяр стоял в стороне и улыбался в бороду — тихо, довольно, как человек, который много лет делает что-то в одиночку и вдруг услышал, что это кому-то нужно.

— А теперь самое зрелищное, — Юнна театральным жестом указала на Захара. — Демонстрация от мастера. Барабанная дробь!

Дроби никто не устроил, но класс и так притих в ожидании. Захар показал им инструменты: рубанок, стамеску, рейсмус, верстак с тисками. Показал, как снимает стружку — одна длинная, завивающаяся лента, тонкая, как бумага, — и все ахнули, когда она завилась ему на ладонь.

— Из-под рубанка, — сказал Захар, — выходит столько стружки, сколько ветер уносит из вашего утра. Бесплатно. И пахнет лучше, чем всё, что вы ели на завтрак.

Даяна к этому моменту совсем осмелела — она держала поднос со стружечными завитками и раздавала каждому подержать, повторяя излюбленное Илани: «Осторожно, это живая, не сомните». Лилия Сергеевна тоже подошла, взяла завиток, повертела и снова поймала себя на том, что смотрит уже не на стружку, а на Захара. Он показывал детям инструмент 1987 года, о котором сам ничего уже не помнил, но придумывал историю на ходу: «Его подарил мне один полярный лётчик. Он им, между прочим, гвозди заклёпывал для собачьей упряжки». Дети хохотали. А Лилия Сергеевна вдруг поняла, что улыбается уже минут пять, и ничуть этого не стыдится. Почти.

— А можно потрогать? — спрашивали они.

— Можно то. Нельзя это. Вот это можно. Вот это нельзя.

К концу экскурсии все пахли деревом. Даже Лилия Сергеевна. Учительница стояла у верстака, держала в руках маленькую дощечку с узором и смотрела на неё так, как смотрят на что-то, что тронуло до глубины.

Уходя, Гоша Рубин вдруг остановился у Илани.

— Слушай, — сказал он. — А твой папа... возьмёт учеников? Ну, чтобы научиться?

Илани посмотрела на одноклассника. На эти новенькие кроссовки. На этот телефон последней модели. На эти глаза, в которых вдруг мелькнуло что-то настоящее.

— Спроси у него сам, — сказала Ланя.

А Юнна, надевая куртку, наклонилась к девочке и шепнула:

— Неплохо, экскурсовод. Особенно паузы. Кто тебя такому научил?

— Настя, — гордо сказала Илани.

— Ну, я смотрю, знает своё дело не хуже твоего папы, — Юнна подмигнула, вскочила на велосипед и, уже отъезжая, крикнула: — В кино так не бывает, а у вас — бывает!

Глава 6

«Конкурент?»

Мастерская после ухода шумного войска опустела разом — как большой театр после оглушительной премьеры, только вместо смятых программок на дощатом полу золотыми кудрями лежала свежая стружка. Лилия Сергеевна увела разгорячённых детей, торжественно пообещав на прощание, что это «лучшее занятие за весь учебный год, а возможно, и за всю историю школы». Захар ещё долго кланялся в закрытую дверь с таким сияющим, торжественным лицом, будто только что вручили орден «За заслуги перед столярным искусством» первой степени.

В мастерской пахло нагретым дубом, сладковатой сосновой смолой и немного синей гуашью, которую кто-то из особо старательных учеников умудрился втереть в подоконник намертво. За широкими окнами уже сгустились густые синие сумерки, и низкие лампы над верстаком заливали всё вокруг тёплым, тягучим медовым светом, от которого сразу становилось уютно и немного сонно.

Теперь у длинного верстака остались только четверо: сам Захар, Юнна, Илани и Даяна. Захар с видом фокусника, готовящего главный номер программы, выложил перед девочками два отшлифованных бруска, поправил на переносице съехавшие очки и спросил самым серьёзным голосом, на какой только был способен:

— Вот. Возьмите в руки. Подержите. И скажите мне: что вы почувствовали? Только не смотрите на меня так, будто я спрашиваю таблицу умножения на семь. Это глубокий философский вопрос.

Даяна первой ухватилась за тёмный дубовый брусок, тут же ойкнула, присела под его весом и смешно сморщила нос:

— Ой-ёй! Тяжёлый. Как бабушкин чугунный утюг, которым можно орехи колоть.

— А теперь этот, — Захар торжественно протянул светлый, почти белый липовый брусок.

Девочка перехватила его, подбросила на ладони и округлила глаза от искреннего изумления:

— А этот… совсем лёгкий! Тёплый такой! Как будто внутри кто-то свернулся калачиком и сладко спит.

— Вот! — столяр победно поднял указательный палец вверх, словно поймал в воздухе важную мысль. — Золотые слова! Дуб — это упрямая сила. А липа — это мягкий характер. Все деревья разные, точно как люди. Бывают такие, которые снаружи кажутся большими, серьёзными и грозными, а внутри у них сплошная лёгкость, тепло и доброта.

— Прямо как Даяна, когда она не вредничает, — хитро прищурилась Илани, и обе девчонки прыснули со смеху, прикрывая рты ладошками.

Даяна тут же надула щёки, набрала в грудь воздуха, собираясь выдать гневную тираду, но обидеться так и не успела. Юнна, которая всё это время стояла чуть в стороне, прислонившись к стеллажу, вдруг тихо и тепло улыбнулась. После шумного театрализованного урока, который сама же и срежиссировала для целого класса, приятно устала. Девушка подошла к верстаку, взяла толстый столярный карандаш и одним плавным, летящим росчерком вывела на чистом обрезке фанеры живую волнистую линию.

— Смотрите, девочки, вот здесь узор пойдёт по спинке будущего стула. Не скучным кругом, а вот так — словно речная вода бежит.

Илани и Даяна мигом забыли про перепалку и наклонились над фанерой так близко, что глухо стукнулись лбами.

— Ой! — зашипела Даяна, потирая голову, но тут же перевела горящий взгляд на рисунок. — А можно я тоже, красиво умею?

— Не «можно», а «нужно», — усмехнулся Захар и придвинулся ближе. — Дай-ка сюда свою руку… Видишь, как грифель лежит? Надо вести его боком, плашмя, а не тыкать остриём. Остриё — это значит спорить с деревом, царапать его. А боком — это договариваться по-хорошему.

— Договариваться с деревом… — благоговейно повторила Даяна шёпотом, словно разучивала секретное заклинание лесных эльфов.

Она зажала карандаш боком, как велел мастер, от усердия даже зажмурила один глаз, высунула кончик языка и медленно повела линию по фанере. Волна вышла чуть дрожащей, местами угловатой, но удивительно живой. Она то ныряла вглубь, то выпрыгивала вверх, совсем как серебристая рыба на перекате.

— У меня получилось! Смотрите, как плывёт! — выдохнула девочка с таким восторгом, будто только что забила решающий гол в финале чемпионата мира.

Следом за карандаш взялась Илани. Вела руку осторожно, неуверенно, и линия у неё получилась с резким, упрямым изломом посередине. Илани уже хотела расстроиться, но Захар одобрительно кивнул дочке:

— А вот это уже характер пошёл! Сразу видно: не просто ручеёк, а горная речка с порогами.

Илани просияла, поняв, что это высшая похвала. Ей отчаянно захотелось, чтобы этот вечер, запах стружки и тёплый свет над верстаком вообще никогда не заканчивались.

Идиллию нарушила Юнна, она случайно скосила глаза на наручные часы и звонко ахнула:

— Так, стоп! У меня через сорок минут важный созвон по закупкам для бьюти-салона. Нужно дожать ткани для обивки стульев, кое-что по расходникам, да ещё успеть согласовать декор, пока подрядчики окончательно не устроили там склад безумной импровизации…

— А мы как раз собираемся домой, — бодро подтвердил Захар, с хлопком отряхивая золотую стружку с рукавов. — И ты, Юнна, безоговорочно едешь с нами.

Юнна удивлённо моргнула:

— Я? Захар, у меня же отчёты и созвон…

— Никаких возражений, — отрезал он, снимая рабочий фартук. — Настя вчера официально стала актрисой вашего театра оперетты! А такое событие до сих пор не отметили. Так что мы зовём тебя в гости. Будет горячий яблочный пирог, душистый чай и торжественный тост «за новую фрейлину».

— А Настя — это кто? — заговорщическим шёпотом спросила Даяна у Илани, дёрнув её за рукав.

— Моя старшая сестра. Настоящая актриса. Будет играть фрейлину, — с невероятной гордостью сообщила Илани таким тоном, будто главную фрейлину королевского двора отлили на семейной фабрике по особому спецзаказу.

— Настя, между прочим, весь вчерашний вечер перед зеркалом репетировала придворные реверансы. Отказывать в визите человеку, который ради искусства сутки приседает с прямой спиной, — это просто жестоко.

Юнна снова посмотрела на часы, потом перевела взгляд на мужчину, а затем на двух девочек, которые замерли рядышком и синхронно состроили самые огромные, умоляющие

глаза кота из мультфильма, на какие только способны. Затем тихо рассмеялась и сдавленно вздохнула. Как вздыхают люди, которые с огромным удовольствием проиграли этот спор.

— Ладно, уговорили, — сдалась она, убирая карандаш в карман. — Позвоню по поводу закупок прямо с вашей кухни, надеюсь, поставщики не услышат, как я жую. Но сразу предупреждаю: если ваш яблочный пирог окажется вкусным, буду приходить часто. У меня страшная слабость к настоящим семейным праздникам.

— Договорились, — обрадовался Захар и тут же перешёл на командирский тон: — Илани, ты на правах хозяйки открываешь дверь. Даяна, берёшь нашу волшебную фанерку. Повезём рисунок домой — покажем Насте, какая замечательная вода у нас получилась.

К ужину в доме пахло пирогом и бергамотом. Когда все вошли в квартиру, Настя уже час репетировала в гостиной. Роль была небольшая — три реплики и один кникс, — но «Лунная графиня» была для девочки важнее всех ролей на свете, и она учила даже чужие реплики, чтобы вовремя вступить, если кто-то забудет.

— Позвольте, ваше сиятельство, я доложу его высочеству… — кникс с воображаемым веером, чуть ниже, чем нужно, как будто провожала целую империю.

Стол накрыли в гостиной, решили не лезть на кухню, где тесно, событие требовало простора. Захар расставлял тарелки с особой, почти морской торжественностью: всё прочно, чётко по ранжиру. Настя, Илани и Даяна, которая благополучно отпросилась у мамы на этот вечер, устроились за столом согласно строгому придворному этикету, а ровно посередине возвышался румяный пирог. На него-то Даяна и бросала взгляды, полные отчаянного предательства: во время звонка девочка клятвенно пообещала маме ограничиться «всего одним маленьким кусочком», но сейчас внутри неё уже вовсю кипели ожесточённые дипломатические переговоры по пересмотру этого договора.

— Разрешите занавес, — объявила Настя, вставая.

— Ты еще не ела, а уже занавес? — спросил Захар.

— Хорошая фрейлина не ест, а присутствует при трапезе.

— Хорошая фрейлина ест, — сказала Илани, — а то упадет в обморок в самый нужный момент.

— В самый нужный — это когда? — уточнила Даяна, смеясь.

— Когда в третьем акте все думают, что графиня погибла, а она не погибла, а просто забыла про завтрак, — пояснила Илани с непроницаемым лицом, и Юнна фыркнула в салфетку.

За столом было тепло и шумно. Юнна рассказывала про экскурсию, про то, как один мальчик из класса спросил: «А это вообще модно?», и как Илани выпалила: «Это вечность!» так, что мальчик потом смотрел на неё с уважением.

Настя сидела, ела, слушала и старательно не смотрела на то, как разговаривают папа и Юнна. Ей почему-то казалось, что если станет откровенно разглядывать сидящих за столом, это мгновенно заметит весь двор, а настоящая фрейлина не имеет права на подобное любопытство. Выручало лишь боковое зрение, достойное опытной придворной дамы. Удерживая безупречно прямую осанку и глядя исключительно в собственную чашку, Настя тем не менее фиксировала каждую мелочь: как папа, начиная очередную байку, сам заранее смеётся собственной шутке; как Юнна слегка откидывается на спинку стула, устраиваясь поудобнее; как оба они вдруг одновременно тянутся к чайнику, и как отец тут же отдёргивает руку с галантным жестом «только после вас», а гостья это тепло и благодарно отмечает.

Девочка накрутила макаронину на вилку и съела, не почувствовав вкуса. Потом у Юнны зазвонил телефон. Она взглянула на экран, поморщилась с видом человека, который и рад бы не отвечать, но совесть дороже, извинилась и вышла в коридор.

И в ту же секунду Захар повернулся к Насте:

— Дочь, лимон нарежешь? И варенье там, вазочка на буфете, верхняя полка.

— Сию минуту, ваше сиятельство, — сказала Анастасия, встала и пошла на кухню.

Она медленно, дольку за долькой, резала так, чтобы ровно, потому что при всех, торопясь, было нельзя: кривая долька падала, брызгала и портила все впечатление. Сняла с буфета вазочку, открыла банку с малиновым вареньем, заготовленным в августе, переложила, вытерла край. Всё неспешно, по-взрослому, с достоинством.

И вот, стоя над блюдцем, девочка услышала в тамбуре голос Юнны. Сначала неразборчиво, как по радио в соседней комнате. Потом слова начали складываться. Настя вышла в коридор как раз в тот момент, когда стал голос стал четче. Обрывками, тихо, как идёт передача в наушниках на половинной громкости.

— …нет-нет, я все понимаю…

Настя шла по коридору. От кухни до гостиной десять шагов.

— …просто он никак не может определиться с ножками… Уже неделю. Я чертежи принесла, а он смотрит и молчит…

Шестой шаг. Настя шла ровно и прямо, с блюдом лимонов и вазочкой варенья в руках, и по-другому идти было невозможно, с таким грузом не убежишь, не спрячешься за стеной. Это самое худшее: груз легкий, а идти с ним тяжело. Пальцы почему-то стали очень внимательно ощупывать края блюдца. Девочка смотрела прямо перед собой — на дверную ручку, на свет из гостиной, падающий косой полосой на пол, — и голос Юнны звучал рядом с ней, как будто кто-то третий шёл по этому коридору.

— …да. Может, зря я к нему пошла. Может, проще найти другого мастера, который…

На седьмом шаге внутри что-то произошло — коротко, как резкий тормоз. Найди другого мастера. Найти другого. Слово «другого» услышала так отчётливо, что потом, лежа ночью в постели, будет слышать ещё много раз с разными интонациями, и все они будут одинаково неправильными.

— Нет, что ты, он отличный. Просто, наверное, я ему слишком странные вещи заказываю… — пауза. — Ладно, Катя, я потом, у меня ужин, да. Пока.

Десятый шаг. Дверь в гостиную открыла спокойно, фрейлины не врываются и увидела стол: папа что-то рассказывал Илани о ряби на дереве, Даяна дула на горячий чай, Юнна как раз возвращалась от двери, садясь на место с вежливой улыбкой: «простите, работа». Настя поставила вазу в центр стола. Внутри кто-то выключил свет.

«Он отличный», — раздался в голове голос Юнны. Но до этого были «может, зря я к нему», и «найти другого мастера», и «он смотрит и молчит». Слова раскладывались в голове у Насти, как дольки лимона: ровно, одна за другой, и от каждой брызгало.

Другого мастера. Она знала, что это значит для папы. «Ножки стульев Юнны» — папа никогда ни о какой работе так не говорил. Про чужие стулья обычно: «объект», «заказ», «надо к пятнице». Про эти — «ножки». Короткое слово, тёплое, как пуговица от зимнего пальто. Надо было просто открыть рот. Сказать: «Пап, Юнна разговаривала по телефону, она хочет другого мастера». Открыть рот — это же ничего не стоит. Самое дешевое действие на свете.

— Папа… — произнесла девочка голосом фрейлины, докладывающей его высочеству. — Лимон.

Все посмотрели на блюдце. Илани толкнула Даяну под столом — там явно родилась шутка про «лимон, ваше сиятельство», — Настя села, обхватила себя за колени, как будто они могли сбежать, и поняла: не смогла. Не потому что испугалась за себя. За папу. Если она сейчас при всех за столом скажет, папа перестанет смеяться вот этим своим шумным смехом. Юнна посидит вежливо, а потом всё равно уйдет, да и ужин по приглашению нельзя прерывать такими словами. Этот вечер, который она хотела запомнить, как кульминацию: кто где сидел, чем пахло, кто как смеялся, — разрушится прямо на глазах.

А ещё — и сама Настя себе в этом не признавалась — будет непонятно, кто виноват. Настя? Услышала то, чего не должна была слышать. Фрейлина не подслушивает у дверей. Если бы и подслушивала, на чём бы держался двор.

«Я ему слишком странные вещи заказываю», — сказала Юнна по телефону. Настя отрезала себе кусок пирога и подумала: а что, если Юнна права? Что, если папа действительно молчит, потому что не знает, как сделать эти ножки. Взрослые всё время боятся сказать «не знаю» и поэтому молчат так, что окружающие решают за них всё самое страшное.

Оставался один честный вариант: сказать папе после ужина, с глазу на глаз. Настя репетировала эту фразу на вилке, на корочке пирога, на вазочке с вареньем. «Пап, я случайно услышала…» — нет, «случайно» звучит как оправдание. «Пап, надо тебе кое-что сказать» — звучит как беда. «Пап, ты про ножки…» — а если он спросит, откуда я знаю, что про ножки?

Все фразы были неправильными. Все, как долька, срезанная неровно: брызжет соком.

В комнате было темно и по-осеннему зябко, только уличный фонарь за шторой бросал на потолок тусклую золотистую полосу, в которой кружились редкие пылинки. Дом после ухода гостей — румяной от смущения Даяны и загадочно улыбавшейся Юнны — наконец затих. Из прихожей давно донёсся щелчок выключателя, и папа ушёл к себе, оставив на кухне идеально вымытую посуду и запах корицы от остывшего пирога.

Илани уже зарылась в одеяло по самый подбородок, блаженно вытянув ноги после долгого вечера в мастерской, и почти дремала, когда с соседней кровати раздался тяжёлый, совсем не детский вздох.

— Ланя. Ты спишь? — Настя лежала на спине, заложив руки за голову, и не мигая смотрела в тёмный потолок.

— Почти, — сонно пробормотала сестра, глубже утыкаясь щекой в подушку. — А что? Если ты опять про свои реверансы, то правую ногу надо ставить чуть дальше, я же говорила...

— Да при чём тут реверансы, — глухо перебила Настя, и в голосе вдруг звякнула такая непривычная, взрослая тревога, что сон у Илани как рукой сняло. — Я сегодня вечером кое-что слышала. Когда Юнна в коридоре по телефону разговаривала.

— Про ткани? — Илани приоткрыла один глаз. — Она же говорила, что у них там склад импровизации.

— Если бы про ткани, — Настя повернулась на бок, лицом к сестре, и скомкала край пододеяльника. — Я по коридору шла, не подслушивала специально. Она говорила с какой-то Катей. Сказала буквально следующее:

«папа долго не может придумать ножки… и что, может, ей стоит найти другого мастера.».

В комнате повисла густая, давящая тишина. Слышно было только, как за стеной мерно тикают настенные часы.

— В смысле — замену? — тихо переспросила Илани.

Затем со своим взрывным, нетерпеливым характером аж подпрыгнула на кровати. Пружины жалобно скрипнули, одеяло сползло на пол.

— Что?! — выпалила Ланя, тут же прикрыв рот ладонью, когда Настя шикнула и кивнула в сторону двери. — Она с ума сошла?! — продолжила Илани уже яростным, свистящим шёпотом, садясь на постели и поджимая под себя колени. — Она же сегодня весь вечер наш пирог ела! Улыбалась! Даяне про воду на фанерке рассказывала, папе комплименты говорила про золотые руки! Это что, лицемерие такое театральное, да?!

— Не знаю, Лань, — растерянно ответила Настя. В свои шестнадцать она уже понимала, что мир взрослых устроен куда сложнее, чем сказки про фрейлин, но от этого становилось только хуже, — может, правда хорошо к нам относится. А может, просто не хотела портить праздник.

Илани замолчала. Внутри неё всё кипело — от обиды за отца, от бессилия, от жгучего чувства несправедливости, с которым в двенадцать лет невозможно просто смириться и лечь

спать. Девочка дёрнулась было с кровати, даже нащупала босыми ступнями холодный паркет, собираясь немедленно бежать в комнату к отцу и всё выложить, но на полпути замерла. Вспомнила, каким счастливым и спокойным выглядел папа сегодня за столом впервые за долгие месяцы. Стиснув зубы, Илани медленно подошла к окну, отодвинула край тяжёлой шторы и прижалась лбом к прохладному стеклу. Внизу, во дворе чужого, ещё не ставшего родным города, покачивались под ветром голые ветки тополей.

— Он ведь не знает, да? — тихо спросила она, глядя в темноту улицы.

— Не знает, — подтвердила Настя. — Если бы знал, не звал бы её на чай…

Илани обернулась. В тусклом свете уличного фонаря её лицо казалось совсем бледным, а глаза блестели от подступивших, но упрямо не пролитых слёз. Она долго смотрела на старшую сестру — так, словно именно сейчас Настя обязана была стать самой мудрой, самой сильной и найти выход из тупика, в который их семью загнали взрослые игры.

— Насть… — голос младшей сестры предательски дрогнул. — Ну и что делать-то?

Ответа не последовало. За окном глухо шумел осенний ветер, а в тишине детской комнаты этот вопрос повис в воздухе — тяжёлый, острый и пугающе взрослый.